

О ВЛІЯНІИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ДРЕВНЕРУССКУЮ.

(Продолженіе).

II.

Сношенія юго-западной Россіи съ Европою происходили главнымъ образомъ черезъ посредство католической Польши, съ которою юго-западная Россія долго связана была тѣсными узами. Первоначально связи эти съ Польшею были болѣе или менѣе свободныя, основанныя на взаимномъ общеніи двухъ сосѣднихъ народовъ: поляки и вообще иностранцы нерѣдко проживали во владѣніяхъ русскихъ князей, равно какъ и русскіе—въ стражахъ Польши, и оказывали взаимное вліяніе одинъ на другихъ. Съ одной стороны русскіе, живя вмѣстѣ съ поляками, заимствовали отъ нихъ нѣкоторые религиозные обряды и католическія мѣтнія; съ другой стороны и сами поляки принимали иногда православіе. Но съ постепеннымъ ослабленіемъ самостоятельности Россіи, раздираемой удѣльными усобицами, и подчиненіемъ различныхъ частей юго-западной Россіи Польшѣ, исчезала равноправность и во взаимномъ вліяніи ихъ одна на другую. Послѣ 1569 года, т. е. послѣ окончательнаго соединенія Литвы и Руси съ Польшею, перевѣсъ силы и вліянія остался на сторонѣ Польши, которая съ этого времени насильственнымъ, подавляющимъ образомъ стала дѣйствовать на Русь и тѣмъ вызвала въ ней оппозицію себѣ.

Съ этого времени юго-западные русскіе хотя все таки подчинялись вліянію Польши, но, вооруженные образованіемъ, стали болѣе или менѣе критически относиться въ этому вліянію и провѣрять его началами православія и своей народности.

Соотвѣтственно тѣмъ видоизмѣненіямъ, какія имѣли въ разные времена сношенія и связи юго-западныхъ русскихъ съ Польшею, — въ западно-европейскомъ вліяніи на юго-западную Русь, происходившемъ черезъ Польшу, можно различать два періода: до уніи Литвы и Руси съ Польшею (политической и особенно религіозной), и послѣ уніи. Въ первый періодъ юго-западные русскіе усвоили отъ Польши западно-европейское вліяніе въ простотѣ сердца, сливая его съ своими родными воззрѣніями и вѣрованіями; во второй же періодъ они вооружены были наукою и сознательно воспринимали отъ Польши и западной Европы только то, что согласовалось съ ихъ стремленіями и желаніями.

Въ первый періодъ своихъ сношеній и связей съ католическою Польшею юго-западные русскіе православные сами незамѣчая того усвоили себѣ нѣкоторыя римскія нововведенія. Съ самой первой встрѣчи православія съ католицизмомъ въ предѣлахъ польскаго королевства, внѣшность перваго, стѣсняемая и угнетаемая, стала уступать внѣшности послѣдняго, церемониальной, пышной, господствовавшей въ государствѣ. Привлекающая наружная постановка католическихъ процессій и обрядовъ овладѣвала чувствомъ и воображеніемъ православныхъ, душа свыкалась съ ними. Далѣе, православные и паписты жили рядомъ и даже были членами одного государства; между ними являлись внутреннія отношенія — браки, дружба и т. п., причемъ непрерывна была взаимная мѣна сердечныхъ расположеній, убѣжденій, повѣрій и проч., и въ душѣ православныхъ незамѣтно, безъ ихъ сознанія, рождались расположенія и мнѣнія въ духѣ католичества. Къ этому присовокупились въ послѣдствіи насмѣшки іезуитовъ надъ православною обрядностію, сообщаемое ими юношеству образова-

ніе, располагавшее къ католичеству; и наконецъ намѣренная передѣлка католиками славянскихъ богослужебныхъ книгъ по римскому духу. Такими путями къ началу уніи въ богослужебныхъ книгахъ русскихъ, особенно въ требникахъ, явились римскіе обычаи и мнѣнія. Таковы: обливаніе въ таинствѣ крещенія, употребленіе звонка при шествіи съ св. дарами къ больнымъ и на преждеосвященной литургіи, шествіе причта при погребеніи умершаго позади гроба, кромѣ сего были въ ходу и принимались какъ догматы, мнѣнія о чистилищѣ, объ эпитиміи, какъ наказаніи и удовлетвореніи за грѣхи, о таинствѣ елосвященія, какъ о напутствіи умирающаго, о времени пресуществленія даровъ въ тѣло и кровь Спасителя, о пресуществленіи частицъ, располагаемыхъ на дискось вокругъ агнца и проч. ¹⁾.

Если юго-западные русскіе допускали такіа заимствованія отъ запада въ области церковныхъ обрядовъ; то тѣмъ болѣе онѣ возможны были въ области народныхъ суевѣрій и вообще въ народной словесности, которая вертѣло ускользаетъ отъ вниманія и контроля даже просвѣщенныхъ и бдительныхъ пастырей церкви. Къ началу уніи, по словамъ г. Крыжановскаго, быстро расходились по рукамъ и заучивались письменныя изложенія религіозныхъ предметовъ, основанныя на искаженныхъ расказахъ и обличенныя суевѣрнымъ воображеніемъ въ грубый драматизмъ, каковы: сказаніе о иттицахъ, похождение Богородицы по вѣчнымъ мукамъ, таблица составленная Альбертомъ великимъ о дняхъ, въ которые недолжно предпринимать ничего важнаго и проч. ²⁾. Произведенія же эти, по нашему мнѣнію, западнаго происхожденія. Исключеніе въ этомъ случаѣ представляетъ изъ себя развѣ хожденіе Богородицы по мукамъ; но взаимно его мы можемъ указать на дру-

¹⁾ Рубиницкій, *для славянскихъ церквей*, 1869 г. т. 1. «Устройство, ceremonialной обрядности въ южно-русской митрополіи», Крыжановскаго, *страницы* 290—303.

²⁾ Тамъ же, стр. 291; см. *Истор. Русск. церкви*, т. 2, стр. 60.

гій западныхъ произведеній, перешедшія около этого времени къ русскимъ, какъ напримѣръ на евангелистую пѣснь, на сонъ пресв. Богородицы и друг.

Старѣйшимъ изъ всѣхъ этихъ произведеній западно-европейской литературы, перешедшихъ черезъ Польшу въ юго-западную Русь, нужно признать такъ называемую евангелистую пѣснь, изложенную въ формѣ загадокъ или вопросовъ и отвѣтовъ. У насъ въ Россіи известны теперь два разряда редакцій этой пѣсни помѣщенныхъ въ сборникѣ Безсонова «Псалѣи переходіе», а именно: редакціи сѣверно-русского и юго-западного происхожденія. Представимъ образецъ сѣверно-русской редакціи:

Вы рабы оныя,
Рабы поученыя,
Надъ школами выбраны!
Повѣдайте, что есть единый?
— Единый сынъ у Маріи,
Царствуетъ и ликуетъ
Господь Богъ надъ нами.

Потомъ слѣдуютъ вопросы: что есть два, что есть три и такъ далѣе. При каждомъ отвѣтѣ на новый вопросъ повторяются отвѣты на прежніе вопросы, такъ что въ отвѣтѣ на послѣдній вопросъ—«что есть дванадцать»,—повторяется все, что было сказано на всѣ вопросы.

Дванадцать апостолъ,
Единнадцать праотецъ,
Десять Божьихъ заповѣдей,
Девять въ году радостей,
Восемь круговъ солнечныхъ,
Семь чашъ ангельскихъ,
Шесть крылъ херувимскихъ,
Пять рацъ безъ вины Господь терпѣлъ,

Четыре листа евангельскіе,
Три патріарха на землѣ,
Два тавля Моисеевыхъ,
Единъ сынъ Маріинъ
Царствуетъ и ликуеть
Господь Богъ надъ нами ¹⁾).

Изъ юго западныхъ редакцій кромя напечатанныхъ у Безсонова, мы знаемъ еще одну слѣдующую редакцію:

Ой ты, дячко ученый,
Надъ школами выбранный
Скажи, дячко, що есть разъ?
— Единъ сынъ Маріинъ,
Той въ небі царствуетъ—крояе
Надъ нами *панами* ²⁾).

Въ отвѣтъ на послѣдній вопросъ говорится:

Дванадцать апостолівъ,
Десять Божихъ приказаній,
Девять чиновъ ангеловыхъ
Сімя Божихъ таинствъ,
Шість крыжовъ крыжованыхъ,
Пять ранъ терпівъ Панъ
За насъ грѣшныхъ Христіанъ,
Штыри листы - вангелисты,
Три лица въ единци,
Дві Моисієви таблицы,
Единъ сынъ Маріинъ,
Той въ небі царствуетъ—крояе
Надъ нами *панамя* ³⁾).

1) У Киѣвскаго XII; — Безсонова, вып. II, стр. 331—332.

2) Послѣднее слово вставляется для удобства пѣнія. Вѣроятно, оно замѣняетъ собою какое нибудь утраченное слово первоначальнаго текста.

3) Сообщена бібліотекаремъ Кіев. Академіи К. Д. Думитрашковымъ.—

Изъ сличенія этихъ редакцій евангелистой пѣсни нельзя не видѣть, что первая изъ нихъ относится ко второй, какъ копія къ оригиналу, переводъ—къ подлиннику. Въ сѣверно-русскихъ, редакціяхъ—больше искаженій и темныхъ мѣстъ, объясняемыхъ непониманіемъ языка подлинника; между тѣмъ юго-западная редакція гораздо исправнѣе.—Самое начало южнорусскихъ редакцій исправнѣе начала сѣверно-русскихъ. Въ послѣднихъ выражается смутное понятіе о какихъ-то поученныхъ рабахъ, выбранныхъ надъ школами, а въ южнорусскихъ говорится о «дьячкѣ», съ которымъ доселѣ соединяется въ представленіи южнорусскаго народа определенное понятіе объ учителѣ, который поэтому и выбранъ надъ школами. Наконецъ, южнорусскія редакціи отличаются большею музыкальностью и плавностью въ сравненіи съ сѣверно-русскими. А все это убѣждаетъ насъ, что послѣднія представляютъ изъ себя неисправный, искаженный переводъ первой редакціи.

Въ свою очередь, южно русская редакція евангелистой пѣсни не есть мѣстное южнорусское произведеніе. Она извѣстна только на правомъ берегу Днѣпра, бывшемъ во владѣніи Польши, и носитъ на себѣ слѣды польскаго языка, а слѣдовательно въ южную Россію перешла изъ Польши или чрезъ Польшу изъ западной Европы, гдѣ начало ея коренится еще въ языческихъ преданіяхъ.

Первоначально отвѣты эти, составляющіе содержаніе пѣсни, по мнѣнію г. Пылина, были мифологическаго свойства, подобные тѣмъ, какіе даются на точно такіе же вопросы въ одной народной Брестонской пѣснѣ ¹⁾. Здѣсь мальчикъ предлагаетъ друиду

¹⁾ Пылинъ, Очеркъ литер. истор. русск. пов. и сказ. стр. 144 и сл. Въ русской мифологіи вопросы даетъ чертъ, купившій душу одного чортенка и приведшій за нею, а Богъ отвѣчаетъ. «А що одинъ дубъ на слену?—То не лѣсъ.—А що два? Двое очей у лобі—то злаетця не казники.—А що три?—Богъ, и Петро и Павло то и три», и т. д. до девяти. См. народныя южнорусскія сказки, Рудченко, вып. 2, стр. 26.

тѣже вопросы о значеніи чиселъ до двѣнадцати, какіе выставлены въ евангелистой пѣснѣ; друидъ передаетъ ему основныя данныя своей мифологіи и космогоническихъ вѣрованій, за каждымъ отвѣтомъ повторяя прежнія слова свод. Эта древнѣйшая бретонская пѣсня впоследствии времени переложена была на христіанскіе нравы на томъ же мотивѣ основанъ былъ памятникъ латинскій, но все содержаніе его взято было изъ свѣдѣній христіанской исторіи и ученія, — средство, которымъ, по мнѣнію Вальмарке, хотѣли сильнѣе дѣйствовать на развитіе новыхъ понятій въ народѣ, столько привязанномъ къ своей національности. При той же народно-поэтической обстановкѣ, во всѣхъ ея подробностяхъ, каждое положеніе языческихъ вѣрованій замѣнено было истиной изъ новаго ученія, и она тѣмъ лучше могла удерживаться въ памяти, что облечена была въ знакомую и любимую внѣшность. Латинская пѣсня открывается тѣми же вопросами: *dic mihi, quid unus? dic mihi, quid duo?* и проч. и сходна съ нашею евангелистою пѣсною по самому единству предмета. Объясненіе чиселъ приводится къ такому заключенію:

*Duodecim apostoli;
Undecim stellae
A Iosepho visae;
Decem mandata Dei;
Novem angelorum chori;
Octo beatudines;
Septem Sacramenta;
Sex sunt hydriae
Positae
In Cana Galilaeae;
Quinque libri Moysis;
Quatuor evangelistae;
Tres sunt patriarchae;
Duo sunt testamenta;*

Unus est Deus,
Qui regnat in coelis.

Такого же характера нѣмецкая пѣсня, извѣстная подъ латинскимъ названіемъ *Lector Lectorum* ¹⁾, соотвѣтствующимъ нашему «дядьку ученому». По всей вѣроятности, наша евангелистая пѣсня обязана своимъ происхожденіемъ которому либо изъ этихъ латинскихъ источниковъ и переведена на польскій языкъ при самомъ началѣ распространенія католицизма въ Польшу, для утвержденія новобращенныхъ въ христіанствѣ, а оттуда перешла и въ южную Русь, при первыхъ сношеніяхъ ея съ христіанскою Польшею.

Черезъ Польшу перешелъ въ южную Русь и такъ называемый сонъ пресвятыя Богородицы. Подъ этимъ именемъ извѣстно въ нашемъ народѣ, преимущественно на югѣ Россіи, краткое сказаніе о страданіяхъ и крестной смерти Господа нашего Іисуса Христа. Общее содержаніе различныхъ редакцій ея слѣдующее. Пресвятая Богородица, находясь въ Вифлемеѣ, городѣ Іудейскомъ, однажды видѣла во снѣ страданія возлюбленнаго Сына своего Іисуса Христа. Въ то время, когда сновидѣніе ея приходило къ концу, она внезапно была пробуждена пришедшимъ къ ней Іисусомъ Христомъ. На вопросъ его, что она видѣла во снѣ, пресвятая Богородица рассказываетъ Ему всю исторію Его страданій, начиная отъ входа Его въ Іерусалимъ и оканчивая вознесеніемъ

¹⁾ См. Пыцкая, «Очеркъ литератур. исторіи русскихъ повѣстей и сказокъ», стр. 144—145; см. Истор. всеобщ. лит., Шерра, перев. 1863 г., стр. 481.—Въ соотвѣтствіе латинскому тексту, изъ русскихъ редакцій можно составить слѣдующій сводимый текстъ: «Двадцать апостоловъ», «однанадцать малыхъ, звѣздъ братьевъ Іосифа», «десять божьихъ заповѣдей», «девять чиновъ ангельскихъ», «восемь въ году радостей (beatitudes)», «семь Божьихъ таинствъ», «шесть (сосудовъ) въ Канѣ Галилейской предъ пречистою Марію» «четыре листа—Евангелиста», «три патриарха на землѣ», «два таия Моисеовыхъ», «одинъ сынъ Маріинъ». См. у Безобразова вѣтъ только соотвѣтственнаго варіанта на пятый отвѣтъ.—

Его на небо. По окончаніи сказаза, мать Божіа спрашиваетъ своего сына, что ожидаетъ тѣхъ, которые будутъ вѣрить спу и содержать его въ памяти, а равно и тѣхъ, которые отвергнутъ его. Въ отвѣтъ на это Іисусъ Христосъ первымъ обѣщаетъ различныя блага на земли и на небеси, а вторымъ угрожаетъ на вѣки смертію и совершеннымъ отлученіемъ отъ царства небеснаго. Такимъ образомъ въ составѣ «сна пресвятой Богородицы», кромѣ многихъ оригинальныхъ частности, въ немъ встрѣчающихся, обращаютъ на себя вниманіе: а) самое сказаніе о страданіяхъ и крестной смерти Іисуса Христа; б) форма (сонъ), въ которой предложено это сказаніе, и наконецъ в) обѣщанія награды хранящимъ сей сонъ и—наказаній отвергающимъ его.

Можно предположить, что содержаніе сна относится въ глубокой древности и обязано своимъ происхожденіемъ желанію сохранить въ краткомъ разказѣ память о страданіяхъ и крестной смерти Іисуса Христа для народнаго употребленія; но въ настоящее время видѣ это сказаніе имѣетъ слѣды болѣе поздняго и притомъ западнаго происхожденія. Въ самомъ сказаніи находятся два указанія, подающія поводъ къ болѣе опредѣленнымъ догадкамъ о времени и мѣстѣ, въ которыхъ сонъ могъ получить особенный видъ и особенное значеніе, если допустить болѣе древнее происхожденіе его. Предисловіе въ большей части списковъ читается такъ: «сей сонъ посланъ съ неба въ землѣ Британской, на горѣ Оливной, предъ образомъ архистратига Михаила, при Львѣ Х, папѣ римскомъ». Сопоставляя съ этимъ предисловіемъ два другія предисловія къ такъ называемому свитку іерусалимскому и писанію, извѣстному подъ заглавіемъ: «Іисусъ Христосъ съ нами вчера, днесь, той же и во вѣки», изъ коихъ въ первомъ говорится, что свитокъ упалъ съ неба въ Іерусалимѣ, а во второмъ, что писаніе найдено въ Мантедожѣ, приходимъ къ заключенію, что мѣста обозначены въ нихъ не совершенно произвольно. Какъ ни бессмысленно предисловіе къ спу, послѣднія

слова въ немъ очень выразительны. Въ заключеніи сна говорится. «а который человекъ тому моему вѣсту вѣрить если бы тотъ человекъ имѣлъ многое множество грѣховъ, какъ въ морѣ песку, или на деревѣ листьевъ, или какъ травы на землѣ, какъ звѣздъ на небѣ, то всѣ грѣхи ему отпустятся и въ царствіе небесное вступятъ». Сличивъ столь щедрое обѣщаніе съ послѣдними словами предисловія, мы получаемъ ясное указаніе на такое время, въ которое сонъ Пресвятой Богородицы могъ получить особенное значеніе и особенный ходъ. Именно это указаніе не позволяетъ намъ за недостаткомъ другихъ положительныхъ свѣдѣній, причислять сонъ пресвятой Богородицы къ разряду такъ называемыхъ болгарскихъ басней, изъ коихъ многія перешли къ намъ за долго до XVI вѣка. Знаемъ положительно, что въ настоящее время этотъ сонъ ходитъ въ простомъ народѣ въ Сербіи и имѣетъ значеніе талисмана, но незнаемъ достоверно, есть ли онъ гдѣ либо въ Болгаріи и имѣетъ ли тамъ подобное значеніе. Между гѣмъ извѣстно, что при Львѣ X, папѣ римскому, открыта была на западѣ продажа индульгенцій, покупатели которыхъ получали разрѣшеніе отъ грѣховъ не только за прошлое, но и на будущее время, смотря по тому, сколько кто вносилъ денегъ; извѣстно также, что право продажи индульгенцій, послѣ сильныхъ споровъ между францисканцами и доминиканцами, предоставлено было папою исключительно монахамъ доминиканскаго ордена. Очень могло статься, что, монахъ какого нибудь ордена, недовольный постановленіемъ папскимъ и завидуя барышамъ доминиканцевъ, рѣшился открыть спекуляцію въ томъ же родѣ, пустивъ въ оборотъ сонъ пресв. Богородицы и придавъ ему силу не только разрѣшать отъ грѣховъ, но избавлять отъ всякаго рода несчастій и сообщать успѣхъ во всякомъ предпріятіи. А почему анагъ, можетъ быть и просто какой нибудь проказникъ—грамотѣя, потерявъ стыдъ и страхъ Божій, подъ общую неурядицу, произведенную продажей индульгенцій, пустился въ соперничество съ доминиканами, несправеднаго ради прибытка.

Съ запада сонъ Пресв. Богородицы легко могъ проникнуть въ Польшу, а оттуда въ Бѣлоруссію и Литву, Волынь, въ Подолію и Украину, а за тѣмъ и на сѣверъ Россіи.

Итакъ сонъ Пресв. Богородицы, по всей вѣроятности, не есть русское произведеніе, а перешелъ къ намъ съ запада. Нужды нѣтъ, что никакихъ слѣдовъ иностраннаго происхожденія сна нѣтъ въ его языкѣ: особенности языка, если онѣ были въ первоначальномъ переводѣ сна, неминуемо должны были сгладиться отъ продолжительнаго обращенія его въ нашемъ народѣ. Въ современныхъ намъ спискахъ замѣчается рѣзкое разлічіе въ языкѣ. Такъ, въ спискахъ, полученныхъ отъ причетниковъ, замѣтно сильное вліяніе языка церковно-славянскаго; въ вариантахъ же, списанныхъ со словъ простолудиновъ, господствуетъ складъ рѣчи народной. По мнѣнію г. Лебединцева, сонъ Пресв. Богородицы проникъ въ югозападную Россію въ концѣ XVI в., когда появилась уніа а съ нею множество особенностей западнаго ученія, или въ XVII в., когда такъ много западныхъ монаховъ разгнѣзилось по всей югозападной Россіи ¹⁾.

¹⁾ Руковод. для сельск. пастырей, 1860 г., т. I: «Сонъ Пресв. Богородицы, О. Лебединцева, стр. 103—109. Укажемъ еще на одиѣ признаки западнаго происхожденія сна. Въ немъ приписывается І. Христу слѣдующая угроза непринимавшихъ сонъ: «палучу на васъ птиць чернокрылатыхъ, и будутъ летать, причать, кусать, у которыхъ носы желѣзные и отъ которыхъ выходитъ злое повѣтріе». Тамъ-же, стр. 112.—Подобное встрѣчается въ одной повѣсти западнаго происхожденія о женѣ пресвитера, похищенной дьяволами, лившимися въ видѣ птицъ. Одиѣ пресвитеръ, любившій молодую жену, наканунѣ для Пасхи возымѣлъ блудный помысль къ женѣ своей, но, не получивъ отъ жены удовольствованія своей страсти, палъ со скотомъ.—Въ самый праздникъ Пасхи, когда священникъ совершалъ литургію, послѣ причащенія, появилась стая хищныхъ птицъ и окружила врата церковныя. Узнавъ объ этомъ, священникъ признался въ «своемъ грѣхѣ» и послѣ особеннаго молитвословія «верну» и «молитва» «верну» и, а за нимъ и всѣ молившіеся, не потерпѣвъ никакого вреда отъ птицъ; но когда стала выходить жена священника, на нее напали птицы и расклевали ея еще до храма. См. рукоп. Кіев. Акад. О, 1/4. 51. л. 77—78.

Довольно близкое родство съ сномъ Пресв. Богородицы имѣетъ сказаніе о двѣнадцати пятницахъ, помѣщающееся иногда рядомъ, въ однихъ и тѣхъ же сборникахъ ¹⁾. Заповѣдь о почитаніи пятницы также явилась въ видѣ свитка іерусалимскаго знаменія, упавшаго съ неба на землю во свягомъ градѣ Іерусалимѣ, и расточаетъ различныя награды и наказанія почитающимъ и исполняющимъ ее. Но, что особенно для насъ важно, сказаніе о 12-ти пятницахъ, наравнѣ съ сномъ Пресв. Богородицы, носить на себѣ слѣды западнаго происхожденія. Въ одномъ спискѣ оно приписывается Клименту папѣ римскому: «Сказаніе уже во святыхъ отца нашего Климента папы римскаго, какія подобаетъ почитать 12 пятницъ» ²⁾. Въ другихъ спискахъ оно называется «сказаніемъ отъ обрѣтенія Елевферія», о которомъ въ самомъ его началѣ рассказывается слѣдующая исторія. Въ одномъ городѣ западной страны (страна Лаура, городъ Шентаиль, по одному списку) у христіанъ съ жиды происходили постоянныя споры о вѣрѣ. Чтобы покончить эти споры, часто сопровождавшіеся кровопролитіемъ, та и другая сторона рѣшилась выбрать отъ себя по одному философу и предоставить имъ право рѣшить споръ. Христіане выбрали богобоязненнаго мужа Елевферія, а жиды своего философа Тарасія ³⁾. Самый споръ этихъ избранныхъ лицъ, составляющій иногда предметъ отдѣльнаго сказанія, замѣчательнъ тѣми приемами, какіе употребляли противники для взаимнаго убѣжденія другъ друга. Жидовинъ Тарасій былъ плѣшивъ и имѣлъ длинную бороду. Ставши издали, онъ показалъ своему противнику, называемому въ другихъ сказаніяхъ скоморохомъ, одинъ палець, указывая тѣмъ на единство Божіе; а скоморохъ подумалъ, что жидовинъ хочетъ выколоть ему одинъ глазъ, и въ отвѣтъ на эту шутливую угрозу

¹⁾ Рукоп. Киев. Акад., №№. О. 1/2. 88 и О. 8°. 51.

²⁾ Тамъ же, № О. 8°. 51.

³⁾ Истор. русск. словесности, Порфиріева, т. I, стр. 203.

показавъ ему два пальца: я де тебѣ и оба глаза выколю. Затѣмъ оба противника сошлись выѣстъ. Жидовинъ ударилъ скомороха по уху и сказалъ: послушай, христіанскій философъ! въ вашемъ евангеліи сказано: «аще кто ударить тя по ланиѣ, обрати ему и другую». Скоморохъ отвѣчалъ на это, что въ томъ же евангеліи сказано: «да и аще кто творять вамъ человеѣцы, и вы творите имъ такожде», и ударилъ жидовина по уху. Послѣ этого жидовинъ обратился къ скомороху съ предложеніемъ разгадать загадку: «курица ли отъ яйца, или отъ курицы яйцо», т. е. ветхій ли завѣтъ отъ новаго, или отъ ветхаго новый. А скоморохъ снялъ съ жидовина шапку, ударилъ его по лысинѣ и спросилъ: «отъ чего шумно треснуло, отъ руки, или отъ головы». Этимъ онъ далъ знать жидовину о взаимномъ отношеніи ветхаго и новаго завѣта. И сказалъ жидовинъ: оставимъ все это и пересчитаемъ въ году праздника. въ чьей вѣтрѣ больше праздниковъ въ году, та вѣтра будетъ лучше. Скоморохъ согласился на это, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему считать первому, а дѣлать большей вразумительности и утвержденія въ памяти, вырывать нитъ бороды жидовина по одному волоску. Въ свою очередь и скоморохъ долженъ былъ подвергнуться такой же операциі. Начался счетъ христіанскихъ праздниковъ съ Рождества Христова. За первые три дня скоморохъ вырывалъ у жидовина по одному волоску. На четвертый день—двѣ тысячи мучениковъ, сказалъ скоморохъ, и вырывалъ у жидовина влокъ бороды; на пятый день избіеніе отъ Пропа въ Виноземѣ 14000 младенцевъ, и вырывалъ у жидовина послѣдніе волосы изъ бороды. Жидовинъ же, не имѣя терпѣнія стоять долѣе, обратился въ бѣгство и такимъ образомъ посрамленъ былъ ¹⁾. Впрочемъ сказаніе о 12-ти пятницахъ только кратко упоминаетъ объ этомъ состязаніи. По этому сказанію, жидовинъ призналъ себя побѣжденнымъ, но сказалъ Елев-

¹⁾ См. у Тихомирова.

ферію: ты ничего не знаешь о 12-ти пятницахъ, которыя весьма полезны душамъ христіанскимъ, и убѣждаешь отъ Елевферія. Елевферій обратился къ стоявшему тутъ сыну жидовина Малху и спросилъ его о 12-ти пятницахъ. Малхъ, расположенный въ христіанской вѣрѣ, сообщилъ Елевферію требуемыя имъ свѣдѣнія, которыя и составляютъ главное содержаніе разсматриваемаго сказанія о 12-ти пятницахъ ¹⁾.

Нашему пренію Елевферія съ жидовиномъ на западѣ соотвѣтствуютъ скульптурныя изображенія, представляющія преніе между синагогою и церковію. Изображенія эти распространялись на западъ въ эпоху Филиппа Августа, извѣстнаго гонителя жидовъ, — и именно въ такихъ городахъ, гдѣ больше было жидовъ, какъ-то въ Парижѣ, Бордо, Шартрѣ, Амьенѣ, Реймсѣ и пр. По скульптурнымъ изображеніямъ, синагога и церковь оскорбляютъ другъ друга обидными словами. Синагога требуетъ себѣ отъ церкви новиновенія, потому что, — какъ говорить синагога церкви, «ты отъ меня происходишь». Церковь напоминаетъ пророчество Исаин, по которому отъ корени Іессеева должна родиться лоза, на которой разцвѣтетъ цвѣтъ, и это пророчество церковь примѣняетъ къ Богородицѣ и Иисусу Христу. Синагога находитъ это примѣненіе пророчества ложнымъ и въ лозѣ видитъ Давида, а въ цвѣтѣ Соломона. Послѣ того синагога приводитъ сграданія І. Христа и безславную Его смерть, выводитъ изъ того заключеніе, что если бы Іисусъ Христосъ былъ дѣйствительно Богъ, то не избралъ бы себѣ такой участи. Церковь объясняетъ синагогѣ идею и таинство искупленія и упрекать ее въ томъ, что она вводитъ въ заблужденіе жидовъ. Та же идея выражается въ преніи жида съ христіаниномъ, съ тѣмъ только отличіемъ, что синагога, какъ идея, какъ учрежденіе, остается при своихъ заб-

¹⁾ Истор. русской слов., Порфиріева, т. I, стр. 205—6.

лужденіяхъ, тогда какъ жидъ, будучи убѣжденъ христіаниномъ, принимаетъ христіанскую вѣру.

Наше преніе Елевтерія съ жидовникомъ, составляющее часть сказанія о 12-ти пятницахъ, безъ сомнѣнія, представляетъ изъ себя копію или подражаніе западнымъ источникамъ и явилось первоначально въ южной Россіи. Здѣсь впервые произошла встрѣча русскихъ православныхъ съ евреями и здѣсь только могли опредѣлиться взаимныя отношенія ихъ между собою, обрисованныя въ нашемъ преніи христіанина съ жидовникомъ; слѣдовательно здѣсь же явилось и соединенное съ этимъ преніемъ сказаніе о 12-ти пятницахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно занесено было и къ южнымъ славянамъ, у которыхъ оно приписывается двумъ бабамъ Друсъ и Гороглѣкъ и понамъ Тарно и Мигно ¹⁾. Тамъ и здѣсь сказаніе о 12-ти пятницахъ имѣло большой кредитъ и тѣмъ легче привилось къ народу, что нашло въ его представленіяхъ готовую для себя почву. Среда и пятница, какъ дни, посвященные воспоминанію страданій и смерти Спасителя, всегда почитались и церковію и народомъ. Въ XII в. епископъ Ростовскій Леонъ до того простиралъ строгость поста въ среду и пятницу, что не хотѣлъ разрѣшать его даже для такихъ великихъ праздниковъ, какъ Рождество Христово и Богоявленіе. Въ старыхъ рукописяхъ встрѣчается весьма интересное «слово св. отца Пахомія о средѣ и пятницѣ», въ которомъ правило о постѣ въ среду и пятницу называется тайной спасенія, свыше открытой св. Пахомію, а самыя среда и пятница олицетворяются въ видѣ двухъ ангеловъ, которые въ будущей жизни встрѣтятъ и проведутъ въ рай тѣхъ, кто ихъ почитаетъ. Въ народныхъ духовныхъ стихахъ постоянно зановѣдуется соблюдать постъ въ среду и пятницу, и этотъ постъ считается высшею добродѣтелію. Но особеннымъ уваженіемъ въ народѣ пользовалась пятница, такъ что народъ

¹⁾ Историч. очерки русской слов. и искусства, Буслаева, т. I, стр. 118.

олицетворилъ ее въ видѣ святой ¹⁾. Въ Стоглавѣ говорится, что «по погостамъ, селамъ и волостямъ ходять лживые пророки—мужики, жонки, дѣвки и старыя бабы, отростивъ и распустивъ волосы; они сказуютъ, что имъ являютъ св. пятница и св. Анастасія (воскресенье) и заповѣдуютъ христіанамъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлать, не пріять и платья не мыть» ²⁾. Въ грамотѣ патріарха Іереміи (1586 г.) говорится, что южно-русскій народъ празднуетъ день пятницы, поставляя воскресенье въ рядъ обыкновенныхъ дней. «Третій обычай какого-то празднованія десятой пятницы,—говорится здѣсь,—уничтожаемъ и въ употребленіи оный имѣть запрещаемъ». Въ уставѣ Могилевскаго братства есть такое правило: «въ каждую пятницу, послѣ ранней службы, отправлять въ церкви молебенъ и просить Господа Бога за государя короля, за господъ судей, за рыцарство и за всѣхъ христіанъ» ³⁾. Благодаря этому обстоятельству, сказаніе о 12-ти пятницахъ, не смотря на чужеземное свое происхожденіе, доселѣ пользуется уваженіемъ простаго народа. Въ народѣ и у раскольниковъ сказаніе о 12-ти пятницахъ ходитъ большею частію въ краткомъ видѣ, съ однимъ перечисленіемъ 12-ти пятницъ, безъ указанія тѣхъ причинъ или событій, на которыхъ основывается ихъ почитаніе и о которыхъ рассказывалъ Елсеферію жидовинъ Малахъ. За то въ немъ пространнѣе говорится о томъ, какъ слѣдуетъ проводить двѣнадцать пятницъ и какую милость в награду получать почитающіе ту или другую пятницу ⁴⁾.

Какъ далеко простиралось западное вліяніе на южную, а затѣмъ и сѣверную русь, это можно видѣть изъ того, что слѣды этого вліянія нѣкоторые видятъ даже въ ученіи нашей русской

¹⁾ Истор. русской слов., Порфиріева, I, стр. 267.

²⁾ Истор. русской слов., Галахова, I, 141.

³⁾ Руков. для сельск. наст., 1860 г., т. I, стр. 293—6; см. западно-русская церк. унія въ ея богослуженіи и обрядахъ, Хойн., 403—4.

⁴⁾ Истор. русск. слов. Порфиріева, т. I, стр. 206.

секты «людей Божіихъ». Ученіе людей Божіихъ сходно съ ученіемъ и обрядами западныхъ еретиковъ бичующихся, пляшущихъ, братьевъ свободнаго духа и квакеровъ и, по мнѣнію г. Доброворскаго, могло быть заимствовано отъ западныхъ еретиковъ. «Справедливой представляется догадка одного писателя, — говоритъ онъ, — который, ра сказавши о преслѣдованіяхъ братства бичующихся въ западной Европѣ въ XIV и XV вв. со стороны духовной и гражданской власти, замѣчаетъ, что сѣмена его занесены въ наши скиты изгнапкою изъ Польши и Богеміи хлыстовщиною. Въ лѣтописи подъ 1507 годомъ записано извѣстіе, что за Краковомъ явился Христосъ и апостолы, что одна хлыстовка показывала, что эта секта происходитъ отъ гребенскихъ или запорожскихъ казаковъ» ¹⁾.

Но догадка о происхожденіи ученія людей Божіихъ съ запада черезъ Польшу пока и остается только догадкою. Гораздо достовѣрнѣе вліяніе западной астрологіи на югозападную Русь, проникнувшее туда черезъ Польшу въ довольно раннее время. Въ Польскѣ астрологія имѣла большое развитіе даже и при Коперникѣ ²⁾ и становилась извѣстною народу въ видѣ различныхъ календарей и альманаховъ. Въ библіотекѣ Киевской Академіи есть два отрывка изъ рукописныхъ календарей, носящихъ на себѣ признаки происхожденія отъ западныхъ славянъ. Хотя списки ихъ относятся уже къ XVIII в., но тѣмъ не менѣе по нимъ можно судить о календаряхъ и альманахахъ XV и XVI вв., такъ какъ они не представляютъ изъ себя ничего новаго и повторяютъ только старинныя заблужденія. Таковъ ямائی «списокъ с печатного календару, которой печатанъ в Прузѣ во власти господина пана Данила, в лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1730 г.

¹⁾ «Люди Божіи», Доброворскаго. Казань. 1869 г.

²⁾ История польской литературы. Кондратовича, въ русскомъ переводѣ, т II, стр. 10—181.

Календарь гражданскій, на сто лѣтъ учиненный и пакы возвращающіи на первое». Въ этомъ календарѣ кратко упоминается о счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ, но за то подробно говорится о вліяніи звѣздъ на рожденіе, характеръ и судьбу человѣка. «1-я планета есть сатурнъ... Человѣкъ, рождшійся подъ нимъ, бываетъ процовитій, ласкомій, завистній, хитрій, малолѣтенъ, не вѣсма худій, молъчалывій, здравіи, в богатство ревнивій; очи западливій, воръ изрядній, гнѣвливиі, памятозлобній, и женамъ не вѣсма охочи, убогъ, скупъ, тайнохранитель, трудолюбивъ; правителствуеть ухомъ правымъ, костями великими и шѣлахолею отуду наносить и нѣмощи кашель селезѣю сухота слина горкая», и проч. Вторая планета юпитеръ, еартуи до власти приводяція родулющому. Кто подъ нимъ родится, бываетъ праведливій и истинепъ, ласковіи и вѣренъ, смиренъ, милосердъ, кротокъ, богомысливъ, высокой мысли или лица, добръ счастливъ, невѣстолюбивъ, премудръ, честенъ вѣсми людьми, в доброн славі, богатство обладѣтъ, долголѣтенъ на земли. Третія планета марсъ папхотрій. Родившійся подъ нимъ, бываетъ гнѣвливъ, непостояненъ, убица, бестыдний, непокоровіи, лживый лстець, обманщикъ неправедный, недобрымъ пріятель, піяница, возмутатель вѣсхъ, злыхъ творитель, и женамъ неохочи, и человѣкомъ не милосердъ. Четвертая планета солнцъ, еартуи великою и мощною надъ потентантами высокаго чина папагириты пануетъ и править. Пятая планета вѣсѣсъ, натуры хлодноі и влажноі, утемперованном и благоприятномъ називастія (?); пріятна женамъ родившимъ чада; подъ нимъ родятся прекрасни, пригожи лицѣмъ и благолѣпни и милосердни, невѣстолюбиви, неплодны и добра нрава и обычая. Шестая планета есть меркурій екиства, натуры непостоянныи. Родившійся подъ нимъ бываютъ остроумни в ступацяхъ шудрованныхъ упражняющіися, риторическимъ разумѣниемъ философіи, пинтикуцый (?), ваятели художники и владѣють фантазією. Седмая планета луна, глава водамъ и істочникамъ и рѣ-

камъ вѣликимъ, править и всѣмъ планетамъ присутствуетъ и на поднебесныя силу свою свѣтлостію изнуряетъ, и люди под нею родящіи непостояннии, живи, напрасно умирають, мале счастливіи¹⁾. Въ другомъ отрывкѣ изъ подобаго календаря, безъ означенія года,—прежде всего изображается «древо среднѣе», состоящее изъ ракообразнаго стиха *Sator agero tenet opes rotas*, который «считается вдвое больше число разъ, чѣмъ сколько имѣетъ буквъ». Въ старыхъ Киевскихъ пѣтикахъ этотъ стихъ изображается такимъ образомъ:

S a t o r
a g e r o
t e n e t
o p e r a
r o t a s²⁾.

Въ отрывкѣ изъ календаря этотъ стихъ изображенъ въ томъ же видѣ, но русскими буквами, и служитъ основаніемъ для разныхъ астрологическихъ вычисленій. Въ концѣ календаря приложены двѣ таблицы о несчастливыхъ дняхъ и часахъ: таблица «о мѣсяцахъ, въ нихъ же злыя дни имѣются», въ которые не подобаетъ ничто же начинати ниже сѣяти, и ни въ путь шествовати, ни бракъ творити; еще младенецъ родится, то недолговѣчекъ будетъ и скорбный и несчастливый», и «таблица о дняхъ злыхъ, въ якія дни часы злыя бывають и въ которыхъ мѣсяцахъ, въ нихъ же ничтоже достоитъ начинати, ни въ путь шествовати; еще дитя родится или бракъ, то не благо будетъ». Въ первой указываются слѣдующіе несчастные дни: въ январѣ 2 и 28 числа, въ февралѣ 2, 9 и 24, въ мартѣ 3 и 25, въ апрѣлѣ 3 и 20, въ маѣ 3 и 23, въ іюнѣ 3, 7, 8 и 20, въ

¹⁾ Рукоп. Киев. Акад., № 0. № 38.

См. мою статью о слов. наукахъ въ Киев. Акад., въ Труд. К. Д. Ак., янв., 1867 г., стр. 106.

юль 6 и 28, въ августѣ 6 и 18, въ сентябрѣ 2, 9 и 21, въ октябрѣ 2, 9 и 21, въ ноябрѣ 3 и 22, и въ декабрѣ 2 и 22. Злые часы бывають въ слѣдующіе дни и мѣсяцы: 13 генваря 1-я часть, 22 февраля 9, 25 марта 5, 20 апрѣля 6, 4 мая 3, 9 іюня 6, 22 іюля 5, 8 августа 6, 22 сентября 3, 28 ноября 5 и 28 декабря 10 ¹⁾. Такого же характера «таблица, составленная великимъ Альбертомъ, что въ цѣломъ году находится 32 дни въ которые не должно ничего предпринимать или совершать важнаго». Эти дни суть слѣдующіе: «генваря 1, 2, 4, 6, 11, 12 и 20; февраля 11, 17 и 18; марта 1, 4, 14 и 24; апрѣля 3, 17 и 18; мая 7 и 8; іюня 17; іюля 17 и 21; августа 20 и 21; сентября 10 и 18; октября 6; ноября 6 и 8 и декабря 6, 11 и 18. Человѣкъ, родившійся въ одинъ изъ сихъ дней, бываетъ небогатъ и недолголѣтитъ. Кто въ одинъ изъ тихъ дней запереможетъ, тотъ не такъ скоро выздоровѣетъ, какъ въ иное время; такъ-же кто перейдегъ изъ двора во дворъ, или изъ деревни въ деревню, или изъ службы въ службу, бѣдѣ послѣдуетъ за нимъ несчастіе» ²⁾.

Эта астрологическая литература довольно рано появилась и въ югозападной Россіи, а оттуда перешла и на сѣверъ ея. Такъ напр. во времени появленія уніи ходила въ южнорусскомъ народѣ «таблица, составленная великимъ Альбертомъ о дняхъ, въ которые не должно предпринимать ничего важнаго» ³⁾. Извѣстно также, что еретики жидовствующіе обвинались, между прочимъ, въ занятіяхъ астрологіею ⁴⁾ которую записали они въ Новгородъ изъ Литвы и нѣкоторое время имѣли своихъ приверженцевъ въ средѣ московскихъ вольнодумцевъ ⁵⁾. Это обстоятельство пока-

1) Рукоп. Киев. Акад., № 0, №. 58.

2) Рукописъ, припаложкалая астролу.

3) Руковод. для сельск. пастыр., 1860 г., т. I, стр. 293

4) Поэтич. воззр. слав. на прятоту, Афанасьева, III, 612.

5) Исследов. о сочин. Иосифа Саника, Хрущова, 1868 г., явел, стр. IV.

зываетъ, что въ Литвѣ и вообще въ югозападной Россіи астрологія распространилась еще въ XV в., и что о содержаніи и объемѣ ея отчасти можно судить по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія сохранились о ней на сѣверѣ Россіи. Такъ напр. въ одномъ рукописномъ азбуковникѣ говорится: «зодіями наричють звѣздословцы дванадесять звѣздъ. ихъ же глаголють суща на седмѣмъ полѣхъ аерномъ... Сими звѣздами умоврѣднѣи астрологи мнятея угадывати счастья и добродѣйственное и злоденственное житіе челоѣкомъ» ¹⁾. Подобное мѣсто находится въ спискѣ ложныхъ книгъ: «дванадцать звѣздъ, въ нихъ же безумнѣи людѣ вѣрующе, и волхвуютъ, и ищутъ дни рожденіа своего, сановъ полученіе и урока житію, и бѣдныхъ напастей различныхъ смертей и счастья въ службахъ, куплихъ и ремеслахъ». Въ томъ же спискѣ, тотчасъ послѣ астрономіи, упоминается чаровникъ, какъ способность челоѣка силою чародѣйства превращаться въ разныхъ животныхъ: «въ нихъ же суть вси дванадесять опрометныхъ лицъ звѣринныхъ и птицѣихъ, се же есть первое — тѣло свое хранишь мертво и летаетъ орломъ и истребомъ и ворономъ и дятломъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вопремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рыаю и медвѣдемъ» ²⁾. По всей вѣроятности подъ двѣнадцатью опрометными лицами разумѣются здѣсь двѣнадцать знаковъ зодіака, только понятыя слишкомъ буквально. Въ одной рукописной астрономіи XVII в. сказано: когда звѣзда чигирь будетъ въ такомъ-то мѣстѣ, тогда «съ жонами не сны: аще родится сынъ, ино будетъ курча и безплоднъ» ³⁾. Можетъ быть, «чигирь» есть нарицательное или веферы, о которой въ календарь пана Данилы говорится, что родившіеся подъ нею бывають безплодны. Что подобные календари извѣстны были на сѣверѣ Россіи, это видно

¹⁾ Поэтич. возвр. слов., Авант. III, 321.

²⁾ Истор. русскій слов., Галахова, т. I, стр. 144 и др.

³⁾ Поэтич. возвр. славянъ на природу, Авантасева, т. III, стр. 326.

изъ «заключительной пѣсни падѣ духами», состоящей изъ приведеннаго нами выше стиха: *Sator arepo tenet opera rotas*. Эта пѣсня вошла въ русскую демонологію, и наши вѣдьмы испытываютъ ея силу въ обрядѣ посвященіи. Къ удивленію нашего времени, говоритъ Сахаровъ, есть еще люди, вѣрующіе въ эти бредни и страшачіеся ихъ дѣйствій... Въ одномъ сборникѣ Румянцевскаго музея, писанномъ въ XVII в., на страницѣ 65 и находится изображеніе этихъ словъ, названное: Сія печаль премудраго царя Соломона протолкована отъ мудраго пѣвца ритора. Только же ея сице расположился, яже здѣ ниже сего предложися: зри опасно, увѣждь извѣстно¹⁾.

Были, конечно и другіе памятники западнаго происхожденія, перешедшіе въ югозападную Русь черезъ Польшу еще до появленія уніи, но они или остаются пока неизвѣстными вслѣдствіе недостаточной разработки южнорусской народной литературы, или же совершенно забыты были на югозападѣ и отчасти уцѣлѣли только на сѣверѣ Россіи, куда переехали они въ довольно раннюю пору и нѣрѣдко считаются здѣсь чисто народными произведеніями. На сѣверѣ Россіи долгое время существовало то умственное состояніе, въ какомъ была югозападная Россія до начала уніи, и какое могло удовлетворяться различными апокрифическими и суевѣрными сказаніями и легендами, откуда бы онѣ ни явились. Между тѣмъ на югозападѣ Россіи со временъ уніи произошелъ рѣшительный переломъ въ народномъ развитіи, заставившій народъ многое забыть изъ того, чѣмъ онъ жилъ въ предшествовавшей періодъ. Этотъ переломъ произошелъ какъ отъ нападеній католиковъ на православную церковь, такъ и отъ развитія обра-

¹⁾ Сказанія русскаго народа. Сахарова, т. II, стр. 45 и слѣд. См. тамъ-же «Чародѣйскую пѣсню вѣдьмы» и кубическій стихъ въ моей статьѣ о словесныхъ наукахъ въ Бѣв. Акад., въ Труд. К. Д. А., янв., 1867 г., стр. 107.

зованія въ средѣ православнаго населенія югозападнаго края Россіи. Іезуиты явившись въ Польшѣ, немедленно приступили къ развитію давнихъ плановъ Рима о подчиненіи православной церкви папству. Первоначальнымъ и однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ въ этомъ дѣлѣ служили для нихъ пасквили на разные обычаи и молитвы южнорусской церкви, — пародіи, выражавшія истины церкви въ формахъ протонароднаго грубаго представленія, въ выраженіяхъ кощунственныхъ, даже богохульныхъ. Эти сочиненія свои они выдавали за произведенія восточной, въ особенности южнорусской церкви, — выдержки изъ ея богослужебныхъ книгъ, и всюду поэтому клеймили ее названіями схизматической, мужицкой, холопской. Списки сихъ пасквилей тысячами ходили по рукамъ, читались въ обществахъ. Сомнѣвавшимся въ подлогъ ихъ указывали на дѣйствительно печальный видъ южнорусской церкви, небрежность и невѣжество духовенства, грубость народа ¹⁾. Мы уже видѣли, что во временахъ униі въ богослужебныя книги югозападной церкви вкралось множество римскихъ нововведеній. Крохѣ того издавна еще существовали здѣсь различныя суевѣрныя молитвы и заклинанія, образовавшіяся изъ языческихъ заговоровъ и отчасти удержавшіяся въ позднѣйшихъ униатскихъ требникахъ. Таковы напримѣръ молитвы, которыя слѣдовало читать надъ закрутою, молитвы и заклинанія «противу враждующимъ пчелъ ограды», противъ вѣдьмъ, портищихъ и выдаивающихъ молоко у коровъ, противъ домового, «чиня въ врачеваніи болѣзнующихъ огневицею, си еси фиброю» и проч. ²⁾. Обыкновенно полагаютъ, что различные безпорядки, вкравшіяся въ обрядность югозападной православной церкви русской, явились здѣсь передъ самой унией и обязаны своимъ происхожденіемъ смутнымъ обсто-

¹⁾ Руковод. для сельск. пастыр., 1860 г., т. 1, стр. 301.

²⁾ См. статьи г. Хойнацкаго «объ униатскихъ богослужебныхъ книгахъ», въ трудахъ Киев. дух. Акад.

ательствамъ этого времени и особенно ослабленію власти восточныхъ патріарховъ надъ южнорусскою церковію ¹⁾. Г. Хойнацкій въ своемъ сочиненіи объ уніатскихъ богослужебныхъ книгахъ, усвоивъ этотъ взглядъ, распространяетъ его и на уніатскія богослужебныя книги и заключающіеся въ нихъ разные суевѣрные обряды и молитвы объясняетъ почти исключительно своекорыстіемъ уніатскаго духовенства. Между тѣмъ изъ словъ же самого Г. Хойнацкаго можно видѣть, что подобныя суевѣрные обряды и молитвы существовали отчасти и въ южнорусскихъ православныхъ требникахъ. Мы съ своей стороны скажемъ, что подобныя суевѣрные обряды и заклятія не составляютъ исключительной принадлежности южнорусскихъ требниковъ, православныхъ и уніатскихъ, но явились еще въ Болгаріи и Сербіи и оттуда одинаково перешли и въ южную и сѣверную Россію въ самыя раннія времена. Такъ напримѣръ въ сербской рукописи XIV в. содержится отрывокъ заклятія противъ нечистой силы, проявляющейся въ буряхъ ²⁾. Въ другой рукописный служебникъ сербской редакціи занесена молитва къ пророкамъ Елисею и Ілѣѣ, въ которой очевидно примѣсь стариннаго языческаго преданія о побѣдѣ мощей демона—тучи. Тоже замѣчается и въ молитвѣ, занесенной въ рукописные сборники XV в., Кирилло-Бѣлозерскаго и Соловецкаго монастырей ³⁾. О связи нашихъ старинныхъ требниковъ съ южнославянскими, болгарскими и сербскими, можно заключать изъ того, что Болгарія особенно богата была различными суевѣріями ⁴⁾, и что нѣкоторыя суевѣрные молитвы и заклинанія болгарскаго происхожденія дѣйствительно отразились въ Россіи. Въ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчательны живыя молитвы

¹⁾ Стат. г. Крыжановскаго о поврежденіи церковной обрядности въ южнорусской церковной книжн. Чуж. изд. славян. частыр., 860 г.

²⁾ Описан. Гуманц. муз., стр. 607—608.

³⁾ Поэтич. возвр. Славянъ на природу Афанасьева, т. I, стр. 266 и 478.

⁴⁾ Истор. очерки р. слов. и искусств., Булаева, I, 118.

болгарскаго попа Іереміи о не жигахъ, о трясавицахъ и о недугахъ ¹⁾. Въ связи съ этими молитвами о трясавицахъ стоятъ чародѣйскія письма на яблокахъ для исцѣленія отъ трясцы, т. е. лихорадки. Въ синодальномъ лечебникѣ, № 481, говорится: «а кому буде трясца, то напиши на яблоци: т. в. р. а. потисъ выкосвость». Въ Палеѣвскомъ сборникѣ Кириллоблгородскаго монастыря говорится: «немоцнаго бѣса глаголемаго трясцю мнѣи прогоняюще пѣкими ложными письмами проклѣтыхъ бѣсовъ еленьскихъ ниша имана на яблоцѣхъ, покладаютъ на святѣй трапезѣ въ годъ лютаргѣи и тогда ужаснууться страхомъ ангельская воинства ²⁾. Впослѣдствіи времени яблоки замѣнены были кусками хлѣба или просфорами, и молитвы объ исцѣленіи лихорадки внесены были въ требники. Такъ напримѣръ въ унiateскихъ требникахъ есть «чинъ врачеванія болѣзнующихъ огневицею, си есть фиброю». Дается больному по куску хлѣба, съ издиксами: въ первый день—«Христосъ родися», во второй—«Христосъ умре»; въ третій—«Христосъ воскресе»; въ четвертый—«буди благословено имя Божіе на тебѣ», и въ пятый—«Богу благодареніе» ³⁾. По свидѣтельству же Сіослава, «просфорницамъ даюгъ деньги на просфоры о здравіи или за упокой, и она спроситъ о имени, и о здравіи, да надъ просфорою сама приговариваетъ, яко же арьбуи въ чюди» ⁴⁾.

Такимъ образомъ разные недостатки въ обрядности югозападной церкви существовали въ ней еще съ первыхъ временъ христіанства на Руси. Въмѣстѣ съ нападками католиковъ на православіе, эти недостатки вызвали нужду въ школьномъ образованіи и въ очищеніи обрядности югозападной церкви отъ различныхъ

¹⁾ Тамъ же; I, 113—116; II, 48—49; см. Обзоръ Истор. Славян. литер. Пыпина и Спасовича, 1863 г., стр. 76—77.

²⁾ Историч. очерки р. словес. и иск., Буслаева, I, 34.

³⁾ Супрасльск. и Почаев. требн., Хойнацкаго, стр. 231 и сл.

⁴⁾ Историч. очер., Буслаева, II, 51.

двоевѣрныхъ и суетвѣрныхъ вставокъ и искаженій: Такимъ образомъ въ XVI и XVII вв., учреждены были православныя школы: Львовская, Виленская, Кіевская, Острожская, Луцкая, Кременецкая, Могилевская, Брестская, Вияницкая, Гощанская и др. Люди, выходившіе изъ этихъ школъ, прежде всего обратили свое вниманіе на исправленіе церковной обрядности и релігіозной жизни южнорусскаго народа. Таковъ именно былъ Іоаннъ Вишенскій, человѣкъ образованный по тому времени, который обличалъ въ своихъ посланіяхъ недостатки релігіозной жизни южнорусскаго народа ¹⁾. Соборъ русскихъ пастырей въ 1592 году обличалъ обычай приносить въ день воскресенія Христова въ церковь хлѣбъ и мяса, превращать ихъ и приписывать имъ какое-то особенное значеніе, и поручалъ исправленіе требника дѣятельнѣйшему изъ тогдашнихъ архимастырей львовскому епископу Гedeону Балабану. Этотъ епископъ предписывалъ по своей епархіи не дѣлать изъ пасхальныхъ свѣдѣй волхвованій и чаровъ; но главною его заботою было порученное ему соборомъ исправленіе требника. Гedeонъ Балабанъ почти отрицательно отнесся къ старымъ русскимъ требникамъ и составилъ свой требникъ преимущественно на основаніи греческаго требника, и издалъ его въ 1606 году ²⁾. Такимъ образомъ въ немъ уже не нашло мѣста прежнія двоевѣрные молитвы и суетвѣрные заклинанія, которыя между тѣмъ продолжали печататься въ требникахъ униатской церкви, менѣе подвергавшейся обличеніямъ латинянъ. Въ это то время всеобщаго исправленія пестроостей и безпорядковъ южно-русской православной церкви не могли быть оставлены безъ вниманія а) обличеніи и исправленіи и безсознательныя заимствованія, сдѣланныя югозападными православными отъ католической церкви. При исправленіи требника по греческимъ образцамъ, само собой должны были уничтожиться

¹⁾ Въ актахъ истор. т. II.

²⁾ Руковод. для сельск. пастыр., 1860 г., т. I, стр. 127, 293—6, 448 и слѣд.

каголическія мѣнія, внесенныя въ церковнославянскія богослужебныя книги. Въ это же время патріархъ Іеремія обличалъ чрезмѣрное уваженіе южнорусскихъ православныхъ къ латинцѣ, отчасти обязанное, какъ мы видѣли, своимъ происхожденіемъ западу. Здѣсь-то, между прочимъ, и заключаются причины того явленія, что нѣкогорые памятники западно-европейскаго происхожденія, перешедшіе къ намъ изъ Польши черезъ южную Россію, были забыты здѣсь и сохранились только на сѣверѣ.

Но мы крайне ошиблись бы, если бы стали утверждать, будто бы со времени учрежденія школъ въ югозападной Россіи и съ развитіемъ образованія прекратилось западное вліяніе на югозападную Русь: напротивъ, оно даже усилилось съ этого времени, но только получило теперь другое направленіе. Не говоримъ уже объ униатахъ, которые, соединившись съ католическою церковію, считали дозволенными всякія заимствованія отъ западной церкви; даже православные югозападные писатели въ борьбѣ съ католиками пользовались оружіемъ своего сильнаго врага и заимствовали отъ запада все, что было пригодно для ихъ цѣли. Но тогда какъ прежде заимствованія съ запада происходили безсознательно и воспринимались народною массою, теперь эти заимствованія дѣлаются отдѣльными лицами, болѣе или менѣе образованными, которые поэтому сознательно относились въ чужеземному матеріалу и нерѣдко перерабатывали его. Въ этомъ отношеніи замѣчательна нѣкогорая разница между униатскими и православными учеными: первые ограничивались преимущественно переводомъ западныхъ произведеній католическаго характера, а вторые подражали имъ и свободно пользовались ими въ своихъ сочиненіяхъ.

Что переводъ западныхъ литературныхъ произведеній, со времени появленія униѣ, принадлежалъ преимущественно униатамъ, это подтверждается и прямыми указаніями на имена переводчиковъ—униатовъ, и характеромъ переводимыхъ сочиненій. Такъ напримѣръ переведено было съ латинскаго языка «Вѣдкое зер-

дало», сборникъ различныхъ повѣстей назидательнаго характера и короткихъ рассказовъ о разныхъ случаяхъ человѣческой жизни, однимъ уніатомъ. Въ одномъ экземпляръ этого сборника сказано, что Великое зеркало притчей или прилоговъ, отъ многихъ исторій и отъ многихъ церковныхъ учителей собранное неизвѣстнымъ, сперва было написано на латинскомъ, потомъ римляниномъ (уніатомъ) іеромонахомъ Симеономъ Высоцкимъ переведено на польскій ¹⁾. Многие рассказы въ этой книгѣ носятъ на себѣ чисто католическій характеръ. Таковъ напримѣръ рассказъ объ Удонѣ. Въ Сасской землѣ во градѣ Магдебургѣ въ числѣ учившихся въ школѣ былъ иже-то Удонъ. Онъ былъ неостраго ума и потому нерѣдко получалъ побои отъ учителя. Однажды, послѣ жестокихъ побоевъ, онъ пошелъ въ церковь и молилъ царяцу небесную, чтобы она открыла его умъ къ восприятію учения. Тогда пресв. Богородица явилась ему во снѣ, сообщила ему даръ мудрости и общала ему въ управление церковь св. Маврыкія, съ тѣмъ однако, что если онъ худо управляетъ будетъ церковію, то умретъ душою и тѣломъ. Послѣ этого вдругъ Удонъ обнаружилъ въ себѣ необыкновенныя способности и черезъ два года сдѣланъ былъ Магдебургскимъ епископомъ. Нѣсколько времени онъ хорошо управлялъ церковію, но затѣмъ мало по малу сталъ забывать слова Божьей Матери, жить разгульно и насиловать не только мірскихъ женъ, но и монахинь. Троекратно предостерегалъ его отъ этихъ злодѣйствъ небесный голосъ, «ужасно гремящъ: престави играти, Удоне! игралъ бо еси довольно». Но Удонъ неслушалъ небеснаго гласа и былъ страшно наказанъ. Черезъ три мѣсяца послѣ того одинъ священникъ заключился въ цѣркви св. Маврыкія на пощную молитву и видѣлъ здѣсь слѣдующее видѣніе. Въ церковь вошли два юноши съ двумя свѣчами и стали предъ олтаремъ, одинъ по правую, а другой—по лѣвую сторону, затѣмъ пришли

¹⁾ Очеркъ литерат. исторіи русскихъ повѣстей и сказокъ, Пыпина, стр. 198 и слѣд.

другое два юноши, изъ коихъ одинъ разостлалъ передъ олтаремъ коверъ, а другой поставилъ два золотыхъ престола. Послѣ этого пришелъ Господь съ двѣнадцатью апостолами и пречистая Богородица со многими дѣвицами и позвала Удона на судъ. За его нечестіе одинъ воинъ отсѣкъ ему голову, послѣ чего все собраніе стало невидимо. Осталась только голова епископа, возлѣ трупа и кровь на полу. Въ ту же ночь другой священникъ, по имени Бруно, бывшій въ дорогѣ, видѣлъ во снѣ, какъ нечистые духи сопровождали душу Удона въ своему плыю, кормили его жабами и змѣями, поили сѣрымъ питьемъ, мучили въ огненныхъ плаздахъ и наконецъ бросили его въ геенну огненную. Оба эти священника рассказали свои видѣнія гражданамъ, которые, услышавъ объ этомъ, бросили трупъ епископа въ ровъ, вдаль отъ города, на сѣденіе звѣрямъ, и наконецъ сожгли его, а прахъ бросили въ «Альбу рѣку». Къ удивленію гражданъ, всѣ рыбы оставили рѣчное русло и ушли въ море, и только вслѣдствіе молитвъ и покаяній, чрезъ 10 лѣтъ, Господь повелѣлъ имъ возвратиться въ рѣку. Памятникомъ этого страшнаго событія служатъ слѣды Удовой крови на церковномъ помостѣ изъ бѣлаго мрамора. Обыкновенно эти кровавые слѣды закрываются коврами; но при избраніи епископовъ, когда поется обычная молитва «Тебе Бога хвалимъ», поднимаютъ ковры, и новый епископъ припадаетъ туда, «дабы зря соблюдать себе, да не погибнетъ такожде»¹⁾. Этотъ расказъ Теофанъ Прокоповичъ относитъ къ числу трагическихкихъ, которые представляютъ собою какую либо плачевную сцену, въ родѣ вроснаго Гергузеса. Такого рода чудеса большею частію разсказываются о чистилищѣ; напримѣръ будто какой-то путникъ набрелъ на большую кузницу, гдѣ циклопы большими молотами ковали руки, языки, головы и другіе человѣческіе члены отторгнутые отъ тѣлъ. Тамъ же, можетъ быть выкована и эта басня.

¹⁾ Рукоп. Киев. Акад., N N 0, л. 47.; о. 3; о. 1/4. 51 и др.

Сюда же можно отнести рассказ объ Удонѣ и о докторѣ Сорбон-слонѣ въ житіи Брунона. Когда, — говорится здѣсь, — священники отпѣвали тѣло усопшаго доктора, мертвецъ поднимался трижды и въ первый разъ сказала *я обвиненъ*, потомъ — *я судимъ*, и наконецъ — *я осужденъ*. Значить, народъ и священники были такъ тверды духомъ, что не разбѣжались отъ этого дива. Не говорю уже о томъ, что здѣсь вводится сцена частнаго суда¹⁾.

Другіе переводы западныхъ произведеній, хотя принадлежатъ и неизвѣстнымъ для насъ лицамъ, но по своему характеру очень сходны съ Великимъ Зерцаломъ и, по всей вѣроятности, сдѣланы не югозападными православными. Таковы напримѣръ: «О мученіи нана нашего Есуса Христа — плачь матки о сынѣ»²⁾, и сборникъ чудесъ пресвятой Дѣвы Маріи, подъ заглавіями «Вѣнецъ разумный» и «Звѣзды пресвѣтлыя»³⁾. Последний изъ этихъ сборниковъ, какъ видно изъ его предисловія, первоначально переведенъ былъ на бѣлорусское нарѣчіе. Первоначальный составъ сборника заключалъ въ себѣ 14 главъ: «глава 1 о возношеніи и гордости и невниманіи молитвы Богородице Дѣво радуйся и прочая, въ ней же чудесъ осмь; глава 2 о отверженіи неплодныхъ аожесей и о чадородіи и о избавленіи раждаемыхъ отъ смерти, въ ней же чудесъ шесть; глава 3 о воскресеніи мертвыхъ и о возвращеніи пакы въ жизнь сію, въ ней же чудесъ девять; глава 4 како Господь Богъ молитвы ради матери Своей избавляеть православныхъ христіанъ отъ насилія діавола, въ ней же чудесъ 16; глава 5, яко молитвы ради акафистовы бѣды и папастей многыхъ избавленіи быша и нынѣ избавляются, въ ней же чудесъ 27, глава 6, яко молитвы ради Пресвятыя Господь Богъ въ скорбѣхъ

¹⁾ О словесныхъ наукахъ изъ Киев. Акад., Труды Киев. дух. Акад., 1868 г., т. 1, стр. 512.

²⁾ Обзоръ хронографовъ русской редакціи, Попова, 1869 г., вып. 2 й, стр. 128; см. рук. Киев. Акад., N. о. 19.

³⁾ Истор. русской слов., Галахова, т. 1 стр. 190 и 193.

сущихъ благимъ здравіемъ обогощаетъ, въ ней же чюдесъ 15; глава 7 о убиваемыхъ и безъ вѣсти погибаемыхъ и близъ смерти бываемыхъ, ихже пресвятая Богородица въ первый животъ обращающая, въ нейже чюдесъ 5; глава 8, како сея ради молитвы, еже есть Богородице Дѣво радуѣя, царица небесная каменносердечная умягчаетъ и злыя чловѣки благи содѣваетъ и немилосердѣя сердца во смиреніе и милость обращаетъ, въ нейже чюдесъ 14; глава 9 о осужденныхъ въ муку вѣчную и молитвы ради Богородичны милости Божіей сподобяшеся, въ ней же чюдесъ 8; глава 10 дремлющихъ во святѣй молитвѣ и въ исбреженіи и во грѣсѣхъ живущихъ, яко непріятно есть моленіе ихъ пресвятѣй Богородицѣ, наче же и испуно, въ ней же чюда три; глава 11 со тѣченіемъ молящихся пресвятѣй Богородицѣ, въ пейже чюдесъ пять; глава 12 о свѣщахъ и о дѣствицахъ, которыя приносимы въ честь пресвятѣй Богородицѣ, въ пей же чюдесъ 5; глава 13 о усопшихъ душахъ избавленіе пріемныхъ молитвы ради пресвятыи Богородицы, въ пейже чюдесъ 2; глава 14 о молящихся пресвятѣй Богородицѣ, имже во время смерти своею милостію помогаетъ, въ пей же чюда три». Всего же въ книгѣ чюдесъ 127 ¹⁾. О подобныхъ сборникахъ чюдесъ западнаго происхожденія Теофанъ Прокоповичъ отзывался, что они составлены напастами для своекорыстныхъ цѣлей. «Напасты рассказываютъ о безчисленномъ множествѣ чюдесъ, совершившихся у нихъ почти въ пасторское время, съ цѣлію или утвердить ими свою секту, или прославить монашескіе ордена, или привлечь къ себѣ легкомысленную чернь и захватить богатства». Между ними Прокоповичъ находитъ пустыя и посящія печать женственности. «Пустыми и посящими на себѣ печать женственности я называю тѣ чюдеса, которыя имѣютъ легковѣрнаго автора; таковы напримѣръ видѣнія и откровенія жевантии. Нѣкоторые жеманники издали объ этомъ цѣлыя книги

¹⁾ Рукопис. Кіев. Акад. о. 1/4. 46; о. 1/4. 51.

и рассказывают по главамъ, что имъ говорилъ Христосъ тогда-то и тогда-то, что видѣлось въ ту, что—въ другую ночь. Поэтому у панистовъ всѣ житія женщинъ ни о чемъ столько не твердятъ, какъ о видѣніяхъ. Это понятно. Известно, что женщины по природѣ своей склонны къ фантазіи и рассказыванію своихъ сновъ, такъ какъ этотъ легкомысленъ и довольно тщеславенъ¹⁾. Этотъ отзывъ Прокоповича о западныхъ чудесахъ вполнѣ почти можно приложить и къ сборнику «Звѣзды пресвѣтлыя». Большая часть его рассказовъ о чудесахъ, совершившихся будто бы въ недавнее время, отличаются легкомысліемъ и суевѣріемъ и принадлежатъ женщинамъ. Основной тонъ и характеръ сборника отзывается чисто католическимъ складомъ. Личность человѣка и его свободная дѣятельность совершенно подавлена, земная жизнь и загробная участь человѣка поставлена въ зависимость отъ чисто механическихъ верѣдокъ бессознательныхъ дѣйствій и словъ, отъ случайныхъ обстоятельствъ, независящихъ отъ воли человѣка. Въ этомъ отношеніи «Звѣзды пресвѣтлыя» имѣютъ большое сходство съ угрозами и обѣщаніями «Сна пресвятой Богородицы», поставляющими участь человѣка въ рѣшительную зависимость отъ механическаго затверживанія этого суевѣрнаго произведенія, и могли возникнуть только на почвѣ католицизма, соединяющаго съ вѣшними обрядовыми дѣйствіями и даже бездушными вещами различныя индульгенціи тѣмъ, которые совершаютъ эти дѣйствія или носятъ при себѣ какія либо вещи, имѣющія значеніе талисмановъ.—Приведемъ нѣсколько рассказовъ изъ этого сборника, имѣющихъ, по нашему мнѣнію нѣкоторое значеніе въ исторіи русской литературы.

Одинъ монахъ, рекомендуя слушателямъ своимъ молитву къ пресвятой Богородицѣ, доказывалъ имъ, какъ полезно всякому человѣку произносить молитву: «радуйся дѣво благодатная». Тогда

¹⁾ О словесныхъ наукахъ въ Киев. Акад., въ Труд. Киев. дух. Акад., 1868 г., т. 1, стр. 511—512.

изъ среды слушателей вышелъ одинъ человѣкъ, напосенный еретическимъ духомъ, и сталъ произносить хулу на пресвятую Богородицу. Въ наказаніе за эту хулу тутъ же вошло въ него множество бѣсовъ и стало мучить его. Народъ просилъ учителя, чтобы онъ помогъ бѣсноватому своими молитвами къ Богу. Учитель же сталъ вопрошать бѣсовъ, за что они вошли въ этого человѣка, и узнавъ, что они вошли въ него за произносимыя имъ хулы на Богородицу, возложилъ на шею бѣсноватаго «сѣбствицу» и заклиналъ бѣсовъ именемъ Божіимъ, чтобы они сказали ему, какіе изъ христіанъ больше всего идутъ въ адъ, кого изъ святыхъ бѣсы больше боятся и кого люди должны почитать больше всѣхъ. Бѣсы отвѣтили на первый вопросъ, но на второй никакъ не хотѣли отвѣчать. Тогда по молитвѣ учителя явилась сама пресвятая Богородица, окруженная ангельскими воинствами, съ жезломъ въ рукѣ, ударила этимъ жезломъ бѣсноватаго и заставила бѣсовъ торжественно исповѣдать Ея величіе и силу: «пи единъ бо вѣрный, всякъ, кто приглашаетъ радость Богоматере, не имать осужденъ быти во вѣки». Услышавъ это, народъ возбудился къ молитвѣ и сталъ пѣть: «Богородице Дѣво радуйся и прочая». Съ каждымъ повтореніемъ этой пѣсни изъ бѣсноватаго вылетало по одному бѣсу въ видѣ огненнаго угля. Такимъ образомъ хулитель Богородицы совершенно освободился отъ бѣсовъ. Послѣ этого пресвятая Богородица, «вѣрныхъ духовно цѣловавше», стала невидима ¹⁾.

Въ главѣ 8-й, чудо четвертое рассказывается такимъ образомъ. Въ Италіи былъ нѣкто издоемъ, по имени Іаковъ, который приобрѣлъ лихою большое богатство, но наученъ былъ отъ одного монаха ежедневно «радоcть приглашати Богородицѣ». Однажды, когда онъ стоялъ передъ образомъ пресвятой Дѣвы и творилъ обычную молитву, услышалъ отъ образа гласъ: «Іакове,

¹⁾ «Звѣзды пресвѣтлыя», глава 1-я, чудо 1.

Іаковъ! отдай мнѣ и Сыну моему таковуужь лихву, иже и ты отъ должниковъ своихъ требуешь и истязуешь!»! Послѣ этого Іаковъ сталъ прощать лихву своимъ должникамъ и въ скоромъ времени заболѣлъ «я бысть близъ смерти». Видитъ онъ, какъ архангелъ Михаилъ клалъ добрыя дѣла его на одну сторону вѣсовъ, а злыя дѣла бѣсы клали на другую сторону: злыя дѣла перевѣсили собою добрыя дѣла; но явилась пресвятая дѣва Марія, приложила къ добрымъ дѣламъ «едину пѣснь ангельскаго радованія», и добрыя дѣла перетянули собою злыя дѣла. Послѣ этого пресвятая Богородица стала невидимою, а купецъ выздоровѣлъ, сталъ творить добрыя дѣла и избавился вѣчнаго мученія ¹⁾.

Всѣ эти и подобные рассказы напоминаютъ намъ что-то родное, встрѣчающееся и въ нашей древне-русской литературѣ. Всѣмъ съ добрыми и злыми дѣлами встрѣчаются и на нашихъ старинныхъ изображеніяхъ смерти и страшнаго суда. Въ нашихъ рукописяхъ есть также «Слово отъ Липониса о пѣломъ скомрастѣ, хулившемъ святую Богородицу» ²⁾, напоминающее собою подобный рассказъ «Пресвѣтлыхъ звѣздъ». Въ нашей литературѣ извѣстны повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ, давшемъ на себя рукописаніе діаволу, и о бѣсноватой женѣ Соломонія. А подобные рассказы находятся и въ «Звѣздахъ пресвѣтлыхъ». Былъ нѣкто человѣкъ, говорится здѣсь, — который растратилъ все свое имущество, состоявшее изъ множества селъ и деревень, и пришелъ въ нищету. Желая избавиться отъ нищеты, онъ, по внушенію діавола, отрекся отъ христіанской вѣры и св. крещенія, самовольно предался діаволу и далъ ему рукописаніе, написанное своею кровію и рукою. Въ одно время случилось ему идти вмѣстѣ съ однимъ христіанскимъ человѣкомъ и зайти въ церковь во время св. литургіи.

¹⁾ Тамъ же, глава 8, чудо 4-е. Подобные рассказы см. въ гл. 3, чудо 7, и гл. 4, чудо 9.

²⁾ Рукоп. Кіев. Академ. о. 1/4. 47, л. 111—112.

Здѣсь онъ услышалъ поученіе, въ которомъ проповѣдникъ говорилъ, что добровольно предавшіе себя діаволу здѣ погибнуть, если не избавятся отъ бѣсовскаго ига, и что лучшимъ средствомъ къ этому служить молитва: «Богородице Дѣво радуйся и прочая». Согласно поученію, онъ сталъ безпрестанно возсылать молитву къ Богоматери, просить Ея помощи и заступленія и ходить ко святымъ мѣстамъ. И вотъ однажды, когда онъ молился предъ образомъ Богоматери, отъ руки Ея лѣтитъ рукописаніе, которое онъ далъ сатанѣ; онъ взялъ это рукописаніе, возблагодарилъ пресвятую Богородицу и остальное время жизни своей жилъ благочестиво и добродѣтельно, молитву приноси Богородицѣ и вездѣ прославляя чудеса Ея ¹⁾. О бѣсодовой женѣ рассказывается слѣдующее. Одинъ человѣкъ, изъ римскихъ странъ, по какому-то случаю выдалъ свою дочь въ замужество за одного честнаго мужа, семейство котораго было цѣлѣнное. Вскорѣ эта дочь получила тяжкую болѣзнь и черезъ шесть дней лежала уже на смертномъ одрѣ. Говорили, что она страдаетъ отъ нечистаго духа, такъ какъ она обнаруживала чрезвычайную силу, такъ что два или три человѣка едва могли удерживать ее. Напрасно мужъ прибѣгалъ за помощію къ своимъ «сабазамъ»: жена приближалась къ смерти. Объ этомъ дали знать отцу ея, который, прибывъ къ дочери, велѣлъ выйти вонъ всемъ «сабазамъ», возложилъ лѣствицу на шею своей дочери и этимъ выгналъ изъ нея бѣсовъ ²⁾.

Въ заключеніе обзора разсматриваемаго нами сборника, приведемъ изъ него еще одинъ рассказъ, имѣвшій нѣкоторое значеніе въ древне-русской нашей литературѣ. У одного благороднаго человѣка была жена, имѣвшая большую вѣру и надежду ко пресвятой Богородицѣ. Такъ какъ они не имѣли дѣтей, то молили всемилостиваго Бога разрѣшить ихъ неплодство и получали про-

¹⁾ «Звѣзды пресвѣтлыя», глава 4, чудо 5; см. Народ. южно-русскія сказки, Рудченко, выш. 2-й, стр. 21 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, гл. 4, чудо 8.

симое: Богъ далъ имъ сына, котораго они воспитали въ страхѣ Божиѣмъ и въ вѣрѣ Христовой. Когда онъ достигъ возраста и увидѣлъ, что сверстники его вьютъ вѣнцы изъ цвѣтовъ, то и онъ сталъ дѣлать подобныя вѣнцы и украшать ими образъ Богоматери. Родители хотѣли его женить, но онъ предпочелъ браку дѣвство, поступилъ въ монахи и болѣе и болѣе упражнялся въ добродѣтели, ежедневно произносилъ по 50 разъ Богородице Дѣво радуйся и по 10 разъ «Отче нашъ». Черезъ нѣсколько времени онъ избранъ былъ въ игумены одного монастыря и однажды по монастырскимъ дѣламъ отправился въ далекий путь. Изъ за разныхъ хлопотъ, необходимыхъ въ дорогѣ, онъ забылъ однажды исправить свое обычное правило и вспомнилъ о немъ только тогда, когда проѣзжалъ черезъ одну пустыню: оставивъ спутниковъ, онъ стоялъ въ сторону и сталъ творить обычную молитву Богородицѣ. Въ это время одинъ разбойникъ попалъ на него, ограбилъ и хотѣлъ даже убить; но, когда хотѣлъ поднять на него руку, «увидѣлъ отрока вѣлики краснѣ изъ устъ молящагося старца сего, сто цвѣтовъ изымая, изъ нихъ же вѣнецъ прекрасный сплелъ и на главу свою возложи и на небо възде». Пораженный этимъ видѣніемъ, разбойникъ упалъ къ ногамъ старца, испросилъ у него прощеніе, поступилъ въ монастырь и остальную жизнь свою провелъ добродѣтельно. По рассказамъ другихъ, разбойники, напавшіе на старца, вѣдали стоящую передъ нимъ «дѣву нѣкую зѣло прекрасну», которая брала изъ устъ молящагося бѣлые цвѣты въ такомъ количествѣ, въ какомъ онъ произносилъ молитву «Богородице Дѣво», и за каждыя десяткомъ бѣлыхъ цвѣтовъ вынимала по одному прекрасному цвѣту, изъ этихъ цвѣтовъ сплела себѣ вѣнецъ, возложила на главу свою и стала невидима ¹⁾.

Такого же характера «Наука на покусѣ», т. е. на искушеніи, находящаяся въ одной рукописи конца XVIII в. и, по всей

¹⁾ Тамъ же, глава 5, чудо 3.

вѣроятности, представляющая изъ себя переводъ съ польскаго. Въ ней рассказывается нѣсколько «прикладовъ», доказывающихъ пользу послушанія, исповѣди и молитвы. Такъ напр., «прикладъ о послушенствѣ» рассказываетъ, что одна монахиня, возлюбившая Христа, молила Его, чтобы Онъ удостоилъ ее видѣть Его въ этой жизни:—и Христосъ явился ей въ образѣ дитяти. Между тѣмъ въ это время монахиню позвали на какое-то послушаніе. Отправляясь на послушаніе, она просила Господа подождать ее и, по возвращеніи, нашла Его въ своей келліи въ совершенномъ возрастѣ. Христосъ объяснилъ ей, что Онъ такъ скоро выросъ вслѣдствіе ея послушанія, и затѣмъ сталъ пеленимъ. Въ припѣръ того, какую силу имѣетъ покаяніе, рассказывается, что одинъ панъ обратился къ одному святому отцу съ исповѣдію своихъ грѣховъ. Св. отецъ рекомендовалъ ему пробыть одну ночь въ церкви на молитвѣ и не выходить оттуда, не смотря ни на какіе соблазны и страхованія. Панъ такъ и сдѣлалъ. Между тѣмъ діаволь, не желая терять своего друга и служителя, всячески старался выманить его изъ церкви: являлся къ нему въ видѣ его сестры, жены съ дѣтьми и священника въ церковномъ облаченіи и страдалъ его пожаромъ. Рыцарь остался непреклоннымъ, побѣдилъ всѣ искушенія и получалъ на небѣ четыре вѣнца. О снѣхъ молитвъ ко Пресв. Богородицѣ рассказывается слѣдующее: Въ одномъ монастырѣ жилъ монахъ, исправлявшій пономарскую должность, человекъ благочестивый и постоянно приписывшій молитвы ко Пресв. Богородицѣ. Онъ велѣлъ написать для себя образъ Богоматери, «а под ногами еѣ такъ же, яко могло быти паншарадиѣ, бѣса положитъ расказати». Оскорбленный этимъ, бѣсъ сотворилъ монаху пакость, соблазнилъ его на воровство и довелъ до заключенія въ темницу. Здѣсь монахъ обратился съ молитвою къ Богоматери, и она услышала его молитву. Однажды

явился ему въ темницѣ бѣсъ, посланный Богоматерію, выпустилъ монаха изъ темницы и самъ сѣлъ на его мѣсто ¹⁾.

Кромѣ этихъ произведеній болѣе или менѣе католическаго характера, въ югозападной Россіи переводились различными повѣстями и новеллы и сочиненія по исторіи, астрономіи и т. п., а также произведенія общехристіанскаго характера. Есть достаточное основаніе предполагать, что на югѣ Россіи извѣстенъ былъ въ переводѣ западный сборникъ литературныхъ произведеній, извѣстный подъ именемъ «Дѣяній римскихъ» (*Gesta Romanorum*). По крайней мѣрѣ одинъ рассказъ изъ этого сборника о гордомъ царѣ до сихъ поръ ходитъ въ устахъ народа на югѣ Россіи. По этому рассказу, жилъ нѣкогда въ одномъ царствѣ гордый царь, много не слушавшій и все дѣлавшій по своей волѣ. Однажды онъ пошелъ въ церковь и здѣсь слушалъ чтеніе евангелія. Не понравилось ему одно слово изъ евангелія, и онъ велѣлъ священнику вычеркнуть его изъ евангелія. Священникъ не согласился исполнить царскую волю. Царь далъ ему три дня подумать объ этомъ и на четвертый день явиться къ нему. Между тѣмъ, на четвертый день царь отправился на охоту, увидѣлъ оленя и погнался за нимъ. Олень переплылъ черезъ одну рѣку, а за нимъ поплылъ и царь, оставивъ свои одежды на берегу. Въ это время ангелъ Господень надѣлъ на себя одежды царскія, принять былъ всеми за царя и возвратился во дворецъ царскій. Между тѣмъ, когда настоящий царь переплылъ рѣку, олень исчезъ, и царь остался одинъ, безъ одежды: никто не узнавалъ въ немъ царя, и онъ бѣдствовалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Наконецъ ангелъ Господень возвратилъ царю царство и скрылся, а царь исправился и правилъ народомъ такъ, какъ научилъ его

¹⁾ Рукоп. Киев. Акад. О. 4^о. 86, л. 47—52. Рассказъ о монахѣ являзѣ, кромѣ того, находится въ Акад. рукоп. св. 4^о, № 48; св. Памятн. старинной русской литер., вып. 1, стр. 31.

ангелъ ¹⁾. Такой-же рассказъ находится и въ «Римскихъ Дѣяніяхъ»; но здѣсь гордый царь называется Агеемъ, а евангельскія слова, которыя онъ приказалъ священнику вычеркнуть, были слѣдующія: «богати обнищаютъ, а нищи богатѣютъ» ²⁾. Другой южнорусскій народный рассказъ о зятѣ сильно напоминаетъ пьесу Шекспира «Укрощеніе строптивой», заимствованную изъ итальянской жизни и итальянскихъ источниковъ ³⁾.

Изъ историческихъ сочиненій извѣстенъ переводъ хроники Мартина Бѣльскаго, сдѣланный раньше 1584 года, какъ значится въ одномъ изъ ея списковъ: «А сія кнѣга списана съ польскаго языка на русскій языкъ по повелѣнію Ясигмонта короля польскаго, а переводилъ ея шляхтичъ великаго княжества литовскаго и сквиризовалъ новѣтъ (?) Амброжей Брежевскій на честь и на хвалу Господу Богу, а на науку и поученіе русскимъ людямъ» ⁴⁾. Въ 1586 году отпечатана была въ Вильно книга «счета звѣздарскаго» ⁵⁾. Въ 1637 году переведена была на русскіе, вѣроятно съ латинскаго языка, «стараніемъ и коштѣмъ іерарховъ общежительнаго монастыря Бутеевскаго» книга, подъ заглавіемъ: «Гисторія або правдивое выписаніе св. Іоанна Дамаскина о житіи св. преподобныхъ отецъ Варлаама и Іосафа и о паверненіи Індіанъ». Въ предисловіи въ этой книгѣ говорится, что она «здавна отъ святого и богоугоднаго отца и учителя вселенскаго Іоанна Дамаскина выписана и при иныхъ писмахъ его на семомъ вселенскомъ соборѣ апробована, а за часомъ зъ крещеннаго на латинскій и словенскій языкъ переложена, а теперь ново простымъ

¹⁾ Южнорусскія народныя сказки, Рудченко, вып. 2, стр. 159 и сл.

²⁾ Очеркъ латер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, Пыпина, стр. 196; см. рукоп. Киев. Ак. in 8°, № 52, л. 74.

³⁾ Южнорусскія сказки, Рудченко, вып. 1, стр. 181; см. Собраніе сочиненій Шекспира.

⁴⁾ Обзоръ хронографовъ русск., ред. Ципова, вып. 2, стр. 93—94.

⁵⁾ Поэтич. воззр. слав. на природу, Леан., III, 646.

языкомъ русскимъ для snadнѣйшаго понятія и науки на свѣтъ была подана», въ видахъ полемики съ іезуитомъ Спаргою объ исхожденіи св. Духа. Издатели ссылаются на парижское изданіе этой исторіи ¹⁾. Изъ назидательныхъ сочиненій на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить славянскіе переводы знаменитой книги Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Іисусу Христу». Древнѣйшій изъ трехъ, относящихся къ ХVІІ в., сдѣланъ Орестомъ Наслуородомъ, догосетомъ воеводы Матвѣя Бѣсарабы, и напечатанъ 1647 года въ типографіи Дельскаго монастыря, въ Угровлахіи. Другіе переводы Ѳомы Кемпійскаго: іеромонаха Игнатія Бѣлосельскаго, 1664 г., и неизвѣстнаго, 1681 года. Г. Галаховъ утверждаетъ, что подлинникъ этой книги явился при условіяхъ, чуждыхъ славянскимъ землямъ. Оно есть произведеніе мистицизма, въ которомъ выразилась реакція схоластическому ученію, какъ относительно основнаго начала, такъ и относительно изслѣдованія и формы изложенія. Такое противодѣйствіе схоластики не имѣло для насъ смысла. Славянскія племена, за исключеніемъ поляковъ, были мало знакомы съ тѣмъ, чѣмъ уже успѣли пресмыгнуться на западѣ. Книга Ѳомы Кемпійскаго, по мнѣнію г. Галахова, перешла къ намъ совершенно независимо отъ ея значенія въ исторіи философіи. Она имѣла чрезвычайный успѣхъ своимъ общехристіанскимъ интересомъ, по которому западные писатели назвали ее книгой «вѣчнаго утѣшенія». Благочестіе усаждалось ею, какъ своего рода поэмой, изображающею духовную брань, постепенное восхожденіе христіанина къ идеальному совершенству, къ внутреннему единенію съ возлюбленнымъ Христомъ. Какъ-бы то ни было, переводъ сочиненія «О подражаніи Іисусу Христу» не былъ на югѣ Россіи исключительнымъ явленіемъ въ этомъ родѣ. Кромѣ Ѳомы Кемпійскаго извѣстенъ былъ здѣсь и другой мистическій

¹⁾ Библіот. Киев. Акад., № 13. I. 3. 56. 29.

²⁾ Истор. русской слов., Галахова, т. I, стр. 197.

писатель западный Гуго Германъ, изъ сочиненія котораго *Pia desideria* дѣлались переводы на русскій языкъ еще въ XVII в. Андреемъ Бялобоцкимъ ¹⁾. По всей вѣроятности, подобныя произведенія западныхъ мистиковъ содѣйствовали на югозападѣ Россіи ослабленію и смягченію столастнии, какое мы замѣчаемъ, между прочимъ, въ Лазарѣ Барановичѣ и Димитріѣ Ростовскомъ. Мы уже говорили, что по благословенію Лазаря Барановича переведено было съ латинскаго языка писаремъ Гармашенко житіе блаженнаго Макарія Римлянина, жившаго недалеко отъ рая. Въ той же рукописи, въ которой находится переводъ этого житія, помѣщается также и переводъ сочиненія *Оомы* Кемпійскаго о подражаніи Христу ²⁾, который также можно приписывать инициативѣ Барановича.

Но, главнымъ образомъ знакомство югозападныхъ ученыхъ, особенно православныхъ, съ западною литературою проявлялось не въ переводахъ произведеній западно-европейской литературы на отечественный языкъ, а въ подражаніи имъ или заимствованіи изъ нихъ подробностей, которыя, по этому, бывъ вырваны изъ цѣльнаго сочиненія, въ отрывочномъ видѣ своемъ теряли неповторимый характеръ свой и въ рукахъ югозападныхъ ученыхъ перѣдко служили цѣлямъ православія и русской народности.

Прежде всего югозападные православные пользовались средневѣковою западною литературою для борьбы съ католичествомъ. Таковъ именно—Христофоръ Филалетъ, авторъ «Апокрисиса», обладавшій обширною начитанностію. «Ему извѣстны средневѣковые запасные богословы, канонисты, лѣтописцы, біографы, историки, изъ которыхъ онъ приводитъ цѣлыя массы цитатъ и выдержекъ. Будучи, какъ видно, знакомъ съ исторіею и характеромъ по крайней мѣрѣ многихъ изъ приводимыхъ писателей, Филалетъ

¹⁾ Обзоръ русской дух. лит., Филалета, ч. I, стр. 295; о словесн. наукахъ въ Киевск. Акад., въ Труд. К. Д. Ак., янв., 1867 г., стр. 96.

²⁾ Рукоп. Кіев. Акад., № 0. 4°. 86.

чаще пользуется теми, которые или пользовались высоким авторитетомъ въ западной церкви, или и въ болѣе старыя времена отличались своимъ благомысліемъ. или же принадлежали къ такъ называемому послѣднему періоду средневѣковой литературы и были представителями новаго, болѣе просвѣщеннаго и реформатскаго направленія въ католической церкви, богословской наукѣ и литературѣ. Такимъ образомъ у Филамента приводятся Грацианъ, Бернардъ, Беда, Авентинъ, Панормитанъ, Платина, Николай Лиранскій, Альфонсъ-де-Кастро, Жерсонъ, Эней Сильвій и др.» ¹⁾.

Независимо отъ полемическихъ цѣлей, западная литература имѣла для православныхъ и положительный интересъ, особенно въ тѣхъ ея пунктахъ которыя чужды были догматическаго характера и догматическимъ разносѣмъ. Сюда прежде всего принадлежитъ астрологія, которою очень часто пользовались югозападныя ученые для раскрытія своего ученія, а также повѣсти и рассказы свѣтскаго характера. Такъ напр. въ катихизисѣ Лаврентія Зизанія, по отзыву московскихъ книжниковъ, «написано о кругахъ небесныхъ и о планетахъ и о зодіахъ, и о затмѣніи солнца, о громѣ, и о молніи, и о тресновеніи и ошибеніи и о перунахъ и о кометахъ и о прочихъ звѣздахъ: тѣ статьи изъ книги астрологиче» ²⁾. Въ книгѣ Захарія Копытенскаго заключается астрологическое предсказаніе гибели турокъ, которые четыре седмичны будутъ владѣть Царегородомъ, «а вполнѣ лѣтъ седмичны опануетъ россияскій родъ и покоритъ въ свою власть и всѣхъ турковъ до конца искоренитъ». Подобное предсказаніе находится въ книгѣ «Лебедь», Галатовскаго, который при этомъ ссылается на Баронія, Ипполита епископа Сицилійскаго, Тому Вруколенскаго и др. Слово на Благовѣщеніе, Галатовскаго, замѣчательно астрологическими представленіями, почерпнутыми изъ планетниковъ. Здѣсь перечисляются

¹⁾ Апокрисисъ Христофора Филамента, Кіев. 1870. предисл. стр. 46.

²⁾ Истор. русск. словъ Порфирова, 1870 г., т. I, стр. 489

³⁾ Орывки изъ Захарія Копытенскаго и Лебедя, см. въ рук. Кіев. Акад., № 0. 4^о 56.

однанадцать планетъ или небесъ: луна, меркурій, венера, солнце, марсъ, юпитеръ, сатурнъ, твердь, на которой находятся всѣ звѣзды, небо кристалльное, первое небо, эмпирей. Значеніе ихъ приспособляется къ Пресв. Дѣвѣ. Она можетъ быть названа луной: подъ вліяніемъ луны человѣкъ растетъ и издѣлится становится мужемъ; Богоматерь также малыхъ людей дѣлаетъ великими. Она можетъ быть названа солнцемъ: какъ отъ солнца люди получаютъ видѣніе, слышаніе, обонаніе; такъ Пресв. Дѣва даетъ людямъ смыслъ. Тѣ, которые рождаются подъ вліяніемъ марса, бываютъ храбрыми надъ врагами и одерживаютъ побѣды; и съ Дѣва даруетъ храбрость и побѣду надъ врагами. Подъ вліяніемъ юпитера рождаются люди сильные и крѣпкіе; Пресв. Дѣва также дѣлаетъ людей сильными и крѣпкими и т. д. ¹⁾. Въ скорбницѣ Галаховскаго и въ рукописныхъ руководствахъ по словеснымъ наукамъ въ Киевской Академіи, въ числѣ другихъ стиховъ указывается «полидрононъ» или «рѣка», полнѣйшимъ выраженіемъ которыхъ служилъ текстъ: *Salor atero tenet orega goias* ²⁾. А этотъ стихъ, какъ мы видѣли, помѣщался въ средневѣковыхъ календаряхъ и служилъ здѣсь средствомъ къ различнымъ календарнымъ вычисленіямъ.

Наравнѣ съ астрологическими свѣдѣніями пользовались вниманіемъ западноевропейскихъ ученыхъ и свѣтскія исторіи и повѣсти западнаго происхожденія. Не говоримъ уже о западныхъ сочиненіяхъ по гражданской исторіи, чисто нейтральнаго характера, которыми пользовались православные писатели въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ, какъ напр. Нишленгтій Гизель въ своемъ synopsis ³⁾: свѣтскія исторіи и повѣсти составляли немаловажный матеріалъ и для югозападнаго проповѣдничества. Галаховскій въ своемъ вступл. разумѣнія совѣтуетъ «читать исторіи и хроники о разныхъ царствахъ и странахъ, что въ нихъ прежде происхо-

¹⁾ Истор. русской слов., Норонріева, I, стр. 472.

²⁾ Истор. русской слов., Галахова, т. I, стр. 208; см. О словесн. наукахъ въ Киев. Акад., въ Труд. К. Д. А., янв., 1887 г., стр. 106

³⁾ Истор. русской слов., Галахова, т. I, стр. 242.

дило и что теперь происходитъ: также книги о звѣрахъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревняхъ, кѣпяхъ; все это замѣчать и приспособлять къ своей рѣчи¹⁾. Въ одномъ царскомъ указѣ 1632 года говорится о киевскомъ старцѣ Арсеніѣ, что «по государеву указу велѣно ему книгу латинскую на славенскій языкъ перевести, а имя той книгѣ *Отрадѣ Царицы* или поученіа пѣлаго учителя, именемъ Млорета; собрана отъ 220 творцевъ греческихъ и латинскихъ, какъ вѣдѣвшихъ философовъ, стихотворцевъ и историковъ, врачей, такожъ и духовныхъ богословцевъ и сказателей писанія божественнаго. А писано въ той книгѣ, нарицаемой Отрадѣ Царскомъ, имена и свойства, или естественныя природы различныхъ многихъ звѣрей четвероногихъ, птицъ, рыбъ, удивительныхъ морскихъ змѣвъ и всякихъ пресмыкающихся, камней драгихъ, бисеръ, деревьевъ всякихъ; моря, рѣкъ, источниковъ, лѣсовъ, четырехъ стихій: воды, земли, воздуха, огня. Обрѣтають же ся еще повѣсти на всяку вещь: философовъ, царей, врачеванія на многovidныя болѣзни, обычаи различныхъ языковъ, положенія странъ, выскръ горъ, различная стѣмена, знаки травныя, притчи и иная многая собранная и во единомъ мѣстѣ совокупленная. А сложено де то все разумомъ и прикладомъ къ Богу въ Троицѣ единому, ко ангеломъ, къ человѣку и его добродѣтелямъ и злобамъ, такожде и къ коварству дьяволовъ и къ похваленію святыхъ Божіихъ, къ хуленію же ѿреченныхъ удивительнымъ прировнаніемъ и свидѣтельствомъ вѣчнаго и новаго завіта, писанныя истолкованіемъ учителей церковныхъ приводятца. И таковыми приводами и чудеснымъ остроуміемъ сочинены поученія на цѣлый годъ на всѣ недѣли и на празднигы господскія и богородичны и на святыхъ и на всю чотыредесятницу по два и по три; всякое-жъ поученіе таково есть пространно, что отъ всякаго мучилъ дѣла ты три и чотыре и тогы поученій чотыреаты». Въ подлинникѣ книга Млорета озаглавливаестя слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Истор. русскою слов., Петербурга, г. 1, стр. 469.

Portulus Reginae, seu sermones Meffret. Coloniae argentoratae. 1525 ан.—По всей вѣроятности, она послужила основаніемъ одноименному съ нею сборнику поученій на господскіе праздники и воскресные дни Антонія Радивиловскаго, подъ названіемъ «Огородовъ Маріи Богородицы», 1676 года ¹⁾, въ которомъ рѣзко высказывается аналогическое сближеніе или сопоставленіе духовныхъ предметовъ съ предметами и явленіями природы физической и вообще орнаментальная обстановка священныхъ и богословскихъ истинъ матеріаломъ изъ наукъ свѣтскихъ ²⁾. Матеріалами для южнорусской проповѣди служили также собранія примѣровъ Ликостена и Еразма Роттердамскаго, «зерцало примѣровъ», *Rosaphthea seu opus suavissimis sententiarum floribus exornatum*, 1600 года ³⁾ и др.

Не маловажнымъ источникомъ для проповѣднаго слова служили сказанія о чудесахъ, какъ западно-европейскаго, такъ и южнорусскаго происхожденія. Мы уже видѣли, что нѣкоторые изъ подобныхъ сборниковъ западнаго происхожденія переведены были на бѣлорусскій и польскій языки, какъ напр. Зерцало великое и Звѣзды пресвѣтлыя или Вѣнецъ разумный. Кромѣ того южнорусскими учеными извѣстны были: «Разговоры о чудесахъ» Цезаря Гейстербаха, «Свищенная» или «Золотая Легенда» Якова де-Ворагине и др. ⁴⁾. Такъ напр. Галаховскій, указывая въ своемъ Мессіи Правдивомъ на исторію о Готфридѣ Бульонскомъ и рассказъ о полшебникѣ Исменѣ изъ Тассова Освобожденнаго Іеру-

¹⁾ Изъ исторіи гомилетики въ старой Кіев. Акад., въ Труд. К. Д. А., 1866 г., т. I, стр. 89—90.

²⁾ Истор. русскон слов., Порфиріева, т. I, стр. 474.

³⁾ Изъ исторіи гомилетики въ старой Кіев. Академіи, въ Труд. К. Д. Ак., 1866 г., т. I, стр. 88—89. О Ликостенѣ см. Обзоръ хронографовъ русск. ред., Попова, 1869 г., вып. 2, стр. 127—8.

⁴⁾ Истор. русск. слов., Галахова, т. I, стр. 190; см. Очерки средне-вѣковой литер., Карпиченкова, о Гейстербахѣ, Ворагине и т. п.

салима, по стихотворному польскому переводу Яна Кохановскаго ¹⁾, ссылается между прочимъ на Цезарія Гейстербаха. Для примѣра приведемъ отрывокъ изъ сочиненія Галитовскаго о рожденіи поваго мессіи. «Десятый вашъ мессія фальшивый, въ провинціи Колоніи, въ мѣстѣ Вармаціи названномъ, явился, котораго мессію вашего Цезарій въ книгѣ 2-й діалоговъ своихъ о скрусть (de contritione), въ главѣ 23-й упоминаетъ зъ Аполономъ разговляючи и мовячи. же въ мѣстѣ Вармаціи названномъ едентъ жидъ мѣлъ цоряку надобную, которая отъ еднago младенца христіанина зачалы въ животѣ своемъ дитя и ознаймилъ ему тое; отповѣдалъ ей христіанинъ младенець: не бойся родичовъ своихъ, я тебя уволню отъ небезпеченства, и учинивши оный младенець зъ тростины цѣвку, пришелъ въ ночи и сталъ близко коморы, въ которой оной жидовки беременной родити стали, и предъ окно вложивши цѣвку, мовилъ презъ тую цѣвку потиху такіи слова: о справедливыи и богумилыи, веселѣгеси ото цорка ваша панна зачала сына, который есть збавитель вашего народу іараньскаго. Жидъ, почувши глы слова, пыталъ жоны своеи: чи чула еси голосъ зъ неба до насъ мовичій: Отповидѣла она: не чуламъ. И знову тотъ христіанинъ младенець презъ цѣвку мовилъ до нихъ: великую повинни есте цорцѣ вашей чести чинити, великое стараніе о ней мѣти и зъ великою пылностію дитя ховати», и пр. ²⁾.

По примѣру сборниковъ западныхъ сказаній о чудесахъ, на югѣ Россіи составлялись и свои сборники такого же характера, съ прямыми указаніями на западные источники. Особенно въ ходу были сборники о чудесахъ Пресв. Дѣвы Маріи, каковы напр.: «Небо новое съ новыми звѣздами, т. е. преблагословенная Дѣва Марія съ чудами своими», 1665 г. и «Скарбница (сокровищница), потребная всему свѣту», 1676 г., Іоанникія Галитовскаго; «Руно

¹⁾ Тамъ же, стр. 179.

²⁾ «Мессія правдивый», 1669 г., стр. 64.

орошенное», 1680 г., св. Димитрія Ростовскаго, заключающее въ себѣ сказаніе о чудесахъ отъ иконы Богоматери въ Ильинскомъ Черниговскомъ монастырѣ; «Чуда Дѣвы Маріи», 1677 г., другой сборникъ чудесъ отъ той же иконы, составленный и изданный по желанію Лазаря Барановича, и др. Сюда же можно отнести и стихотвореніе Іоанна Максимовича, подъ заглавіемъ: «Богородица Дѣво», 1707 года. Разнообразіе источниковъ византийскихъ и западныхъ, которыми пользовался Галаатовскій, св. Димитрій Ростовскій, Максимовичъ и многіе другіе, свидѣтельству большую ихъ почитанность, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ и энциклопедическое содержаніе сборниковъ. У Галаатовскаго въ «Небѣ Новомъ» цитуются: Историческое зеркало, житія святыхъ Симеона Метафраста и Лаврентія Сурія, церковныя исторіи Баронія и Созомена, исторія Венгріи Антоція Бонфинія, исторія Епифанія Схоластика, странствованіе къ св. мѣстамъ кн. Радзивила, космографія Мартина Бѣльскаго, Діонтра или зеркало житія человѣческаго, исторія о земляхъ татарской Александра Гваньини, сочиненія Тертулліана, Овидія, Вергилія и др. Въ «Руцѣ орошенномъ» св. Димитрій ссылается на Іакова-де-Ворагине: «пишетъ Іаковъ-де-Вораине»... Іоаннъ Максимовичъ въ своемъ стихотвореніи прямо говорить, что—

Заходни (западные) учителя мудрѣ расширяють

Словеса о Маріи и насъ научають,—

и исчисляють нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. Кесарія Мудраго (Цезарія Гейстербаха), Викентія историка, Оому Канторберійскаго, Оому Аввипскаго и др. Небольшой сборникъ «Чуда Дѣвы Маріи» наполненъ выписками изъ Аристотеля, Вергилія, Лаерція, Плутарха, Плинія, Галена, Исидора Испалепскаго, Валезія и др. При такомъ обиліи пособій, въ книгу входили, наряду съ прямымъ ея содержаніемъ, свѣдѣнія изъ исторіи, географіи, естественныхъ наукъ, медицины, нравоученія, философій, съ прибавкой тирадъ, взятыхъ изъ поэтическихъ произведеній. Анекдоты

о Гераклитѣ и Олимпіи, матери Александра Македонскаго, сѣняются моральными сентенціями или замѣткой, что рыба, желчь которой возвратила зрѣніе Товиту, «вышла изъ тигра и была каліонимусъ».

Чтобы ближе познакомиться съ подобными сборниками, скажемъ нѣсколько словъ о книгѣ Галаховскаго «Небо Новое». Книга эта назначена священникамъ для назидательнаго чтенія въ церкви, казnodѣямъ для легчайшаго нахожденія матерій, вѣсѣмъ христіанамъ для защиты вѣры отъ еретиковъ, жидовъ и язычниковъ. Чудеса дѣлятся на группы по періодамъ жизни Ботородницы, по родамъ людей, надъ которыми они были совершены, по мѣсту и времени ихъ совершенія и т. д. ¹⁾. Пржеже всего обращаютъ на себя вниманіе чудеса, заимствованныя изъ западныхъ источниковъ. Таковъ напр. расказъ объ Удоуѣ епископѣ Магдебургскомъ, какъ онъ наказанъ былъ страшнымъ образомъ за порочную жизнь свою, расказъ заимствованный изъ Зеркала вѣликаго. Такого же происхожденія «Слово монашескаго житія и о епитиміяхъ», въ которомъ передается расказъ пресвитера Петра о Григоріѣ папѣ римскомъ, какъ онъ, будучи патриархомъ римскимъ, заповѣдалъ игумену, чтобы никто изъ монаховъ не имѣлъ въ своей келліи ничего собственнаго. Одинъ монахъ имѣлъ брата бѣлоризца, выпросилъ у него три златника на покупку срачицы и держалъ ихъ у себя. Узнавъ объ этомъ другой монахъ и донесъ игумену, который сообщилъ объ этомъ папѣ. Черезъ три дня обвиняемаго монаха отлучили отъ причащенія, за нарушеніе обѣта нестяжательности. Черезъ нѣсколько дней этотъ отлученный братъ умеръ. Донесли объ этомъ папѣ, который написалъ на хартіи молитву о разрѣшеніи и велѣлъ архидіакону прочесть ее надъ гробомъ умершаго брата. Архидіаконъ такъ и сдѣлалъ. Въ ту же ночь игумень видѣлъ умершаго брата и спросилъ его:

¹⁾ Истор. русской слов., Галахова, т. I, стр. 190—193.

гдѣ былъ доселѣ? Монахъ отвѣчалъ, что до вчерашняго дня онъ былъ въ темницѣ, изъ которой выпущенъ былъ въ то время, когда надъ нимъ прочитана была разрѣшительная молитва. Въ 9-мъ чудѣ той же книги рассказывается объ Аѳѣлогѣ, невѣрномъ царѣ Срацынскомъ, какъ онъ въ Іерусалимѣ пришелъ въ одну церковь во время литургіи и увидѣлъ Христа, «яко отроча младое», котораго священникъ закладъ на жертвенникѣ. По этому онъ окружилъ священника стражею, чтобы онъ не ушелъ. Между тѣмъ священникъ продолжалъ литургію. Во время возгласа. «Пресвятую, пречистую и преблагословенную и славную Владычицу нашу Богородицу» и проч., явилось множество ангеловъ, которые, поднявъ руки, молились за весь міръ христіанскій. Когда же священникъ произнесъ: «Нрядитѣ о пресвятѣй, пречистѣй, преблагословеннѣй и славнѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ и присподѣвѣ Маріи», въ это время отверзлись двери душамъ, находившимся во тмѣ. По окончаніи литургіи, священникъ поднесъ царю просфору. Царь сказалъ священнику: я видѣлъ тебя, злой человекъ, какъ ты зарѣзалъ младенца. Священникъ отвѣчалъ: такого чуда, каковъ ты царь, видѣлъ, не видѣлъ и св. отцы Василій Великій и Григорій. Услышавъ это, царь увѣровалъ во Христа, крещенъ былъ отъ патриарха іерусалимскаго, облекся въ схиму. потомъ поѣхалъ въ Срацынскую землю къ брату своему именемъ Клитанду и обратилъ его ко Христу, за что невѣрные срацыны предали ихъ смерти ¹⁾. Въ седьмомъ чудѣ напечатана «похвала Богородицѣ», о которой рассказывается слѣдующее: «Явился Пресв. Богородица Оумъ архіепископу и научи его сію похвалу предъ образомъ своимъ по вся дни глаголати я рече ему: аще кто сію похвалу предъ образомъ Моимъ по вся дни

¹⁾ Последніе два рассказа помѣщены и въ печатномъ нашемъ изданіи, подъ 26-мъ числомъ ноября и 13-мъ августа.

глаголетъ, то во время смерти его сама предстану, утѣшу его и отъ муки избавлю» ¹⁾).

Чтобы показать, что дѣйствіе благодати Божіей замѣтно и въ южнорусской церкви и не прекращалось до позднѣйшаго времени, Галатовскій рассказываетъ о чудесахъ изъ отечественной исторіи, подобныхъ тѣмъ, какія совершались на западѣ и на востокѣ. Такъ напр. въ соответствии рассказанному чудесу о разрѣшеніи Григоріемъ Великимъ отъ клятвы умершаго брата, Галатовскій приводитъ изъ Могиллинскаго требника рассказъ о разрѣшеніи умершаго въ Вильно въ клятвѣ патриаршей одного бѣднаго инока греческаго, именовавшаго себя на Руси сыномъ Бориса Годунова и при смерти исповѣдывавшаго грѣхъ свой духовнику. Его разрѣшилъ Петръ Могила, въ бытность свою въ Вильно въ 1635 году, послѣ чего окаяннѣлый трупъ рассыпался въ прахъ. Чудо двадцатое рассказываетъ о явленіи Пресв. Богородицы монаху Іоанну Босому на почаевской скалѣ и оставленіи Ею на сей скалѣ сѣда или стоны, источающей цѣльбоносную воду всѣмъ съ вѣрою почерпнующимъ ее ²⁾).

Все эти сборники чудесъ южнорусскаго происхожденія назначались или въ пособіе проповѣдникамъ, или для назидательнаго чтенія, и потому имъ нельзя приписывать строго историческаго характера. Но замѣчательно, что нѣкоторые рассказы изъ подобныхъ сборниковъ, и притомъ западнаго происхожденія, во-

¹⁾ Вотъ начало этой похвалы: «Богородице Дѣло, радуйся, благодатная Маріе Господь съ Тобою! Радуйся, яко зачала еси плотию Сына, Божіа! Радуйся, яко Его во чревѣ Своемъ послала еси! Радуйся, яко Его родила еси!» и проч.

²⁾ См. Огрывки изъ Неба новаго въ рукоп. Киев. Акад. О. 4°, 51. л. 64—72; О. 8°, 51, въ концѣ тетради. О разрѣшеніи Могилитою монаха, бывшаго подъ клятвою, см. Руковод. для сельск. пастыр., 1860 г., т. III, стр. 222. О явленіи Богоматери на Почаев. горѣ см. «Преподобный Іоанъ вгумецъ Почаевскій, его жизнь и прославленіе», А. Хойнацкаго. 1871 г., стр. 18.

сились даже въ чисто-историческія сочиненія, какъ напр. въ «Четьи-Минеи» св. Димитрія Ростовскаго. Наравнѣ съ Метафрастомъ, Макарьевскими четь-минеями, синаксарями, прологами, патериками, Acta Sanctorum Болландистовъ, св. Димитрій Ростовскій пользовался въ своихъ четь-минеяхъ разговорами о чудесахъ Цезарія Гейстербаха ¹⁾.

Какъ далеко простиралось вліяніе запада на южнорусскихъ ученыхъ, это видно изъ того, что оно проникло даже въ обрядовую сторону южнорусской православной церкви. Митрополитъ Петръ Могила, при составленіи требника своего, пользовался, кромѣ греческихъ и славянскихъ требниковъ, и требникомъ латинскимъ. Статьи: о таинствахъ крещенія, миропомазанія и покаянія, о постыщеніи большихъ; указъ о еже кого недостойтъ церковнаго христіанскаго погребенія сподобити, — представляютъ буквальный переводъ статей, полагаемыхъ на эти случаи въ римскомъ требникѣ. Статьи: о тайнѣ елеосвященія, первая глава о тайнѣ супружества, уставъ како вскорѣ причастити больнаго, указъ о чинномъ погребеніи тѣлъ правовѣрныхъ христіанъ, чинъ въ самомъ исходѣ души отъ тѣла, предварительныя дѣйствія въ молебнѣ на исходѣ души составлены по такимъ же статьямъ римскаго требника. Чины на освоеніе и освященіе храма носятъ вліяніе его въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ, какъ-то: обычай полагать въ основу храма камень, при освященіи храма литію совершать въ началѣ и др. Чины на освященіе священническихъ одеждъ, покрововъ божественныхъ таинъ, сосуда для храненія св. даровъ, креста, иконы, креста къ пошенію на персахъ, вызваны чинами на эти случаи римскаго требника. Могила заимствовалъ изъ него и нѣкоторыя молитвы. Такъ, первая молитва на освященіе храма... составлена изъ двухъ римскихъ молитвъ на тотъ же случай. По-

¹⁾ См. Истор. христомат., Буслаева, см. Истор. русской литер., Галахова, т. I, стр. 237.

добнымъ образомъ изъ трехъ молитвъ на освященіе одеждъ священническихъ составлены двѣ молитвы на тотъ же случай, изъ трехъ молитвъ на освященіе покрововъ— одна, и др. Заимствованы и нѣкоторыя частныя дѣйствія и понятія, напр вопросы о взаимномъ согласіи на бракъ и взаимное обязательство супруговъ въ вѣрности; при входѣ священника въ дома прихожанъ—привѣтствіе отъ него «миръ дому сему» и крошеніе священною водою, съ произношеніемъ стиха «окрошиши ми несоюмъ...». Вообще видно, что Могилъ каждый чинъ сличалъ съ чинами римскаго требника и заимствовалъ изъ него все, что показалось ему необходимымъ въ церкви по чего не было въ обрядности церкви южнорусской.

Впрочемъ, нельзя винить Петра Могилу за тѣ заимствования, какія дѣлаетъ онъ въ своемъ требникѣ изъ требниковъ латинскихъ. Напротивъ того, въ дѣйствіяхъ Могилы отърывается великая и благородная уступчивость церкви восточной, которая не пренебрегаетъ ничѣмъ, что находить хорошаго у самыхъ своихъ противниковъ, и гдѣ какъ нельзя болѣе предъ лицомъ всего міра заявляетъ, что она не напрасно молить Господа о соединеніи всѣхъ, готовая всегда протянуть руку примиренія своимъ недругамъ. При этомъ извѣстно, что самыя эти заимствования не были дѣломъ слѣплаго подражанія для такого респектива православія, каковъ былъ Петръ Могилъ. Многія молитвы, явившися еще въ отдаленныя времена полнаго мира церкви и будучи равно приняты на востокѣ и западѣ, съ теченіемъ времени, особенно на западѣ, во время полнаго господства схоластицизма и окончательнаго устройства римскаго требника, измѣнились не только во внѣшнемъ видѣ, но и въ характерѣ, какъ напр. молитва на исходъ души: «Владыко Господи Боже Вседержителю»... Содержаніе ея и ходъ мыслей въ ея гребняхъ греческій, римскій и моголискій одинъ, но во всѣхъ трехъ видна самостоятельности въ выраженіяхъ, такъ что нельзя сказать, чтобы одинъ

заимствовать изъ другого или приспособлялся къ нему. Такъ должно судить и о многихъ другихъ молитвахъ. Далѣе, нельзя представлять у Могилы самаго заимствованія въ смыслѣ простаго перевода началъ римской обрядности въ обрядность восточную или же введенія въ нее чего либо новаго. Если случимъ чины Могиланскаго требника на освященіе покрововъ божественныхъ тавръ, освященіе одеждъ священническихъ, ипдитій, креста и т. п. съ чинами римскаго требника, по которымъ они составлены у Могилы, то обнимъ въ нихъ обажется только мысль о значенія сихъ предметовъ къ церковномъ богослуженіи; но развитіе этой мысли, характеръ молитвъ и всей формы ихъ вовсе различны. Но это же самое значеніе усвоить имъ и церковь восточная и, кромѣ того, она совершаетъ главное обрядовое дѣйствіе, окропленіе священою водою; только это дѣйствіе небыло всюду опредѣлено и не получило общаго значенія. Слѣдов. чины римскаго требника послужили для Могилы только наведеніемъ на мысль и дѣйствіе восточной церкви и матеріаломъ для развитія и опредѣленія ихъ. Самыя статьи изыскательныя, представляющія болышею частію буквальный переводъ такихъ-же статей римскаго требника, не составляютъ что либо новое для церкви восточной. Всѣ собранныя въ нихъ паставленія всегда существовала въ практикѣ и обычаяхъ ея и по частямъ описаны были въ твореніяхъ восточныхъ отцевъ и учителей, въ правилахъ соборовъ, а нѣкоторыя печатались и при требникахъ, но только не были собраны и приведены въ систему. Въ самомъ содержаніи сихъ статей столько различій, сколько въ обычаяхъ и обрядахъ той и другой церкви: напр., по требнику римскому, умершаго должно полагать лицомъ къ западу, по Могиланскому—къ востоку, съ нарочитымъ объясненіемъ сего обычая: по первому, различію грѣховъ должно учиться преимущественно изъ катихизиса римскаго, по последнему изъ ученія восточной церкви и проч. Особливо такое различіе находится въ опредѣленіи и изыясненіи

дѣйствій въ самыхъ обрядахъ, одеждѣ, поведеніи и проч. Встрѣчаются цѣлыя параграфы и главы вставныя объ обычаяхъ, несуществующихъ въ римской церкви, напримѣръ о крещальныхъ, о водѣ, въ которой погружаемъ былъ крещаемый, о внушеніи прихожанамъ самонспытанія во время говѣнія, объ исповѣди въ каждые четыре поста, о послѣднемъ цѣлованіи усопшаго, о возліаніи на него елея и т. п. Иногда же, возстановляя обычаи, ослабленные обычаями римскими, Могила, для большаго утвержденія ихъ, слишкомъ рѣзко выражается о послѣднихъ, напримѣръ, о проводѣ умершихъ, говоря, что обычай идти позади гроба «иѣсть христіански, но жидовски и агарянски, иже, яко мертвецы вѣроу, послѣдуютъ своему вѣчно умершему мертвецу». Такимъ образомъ Могила воспользовался въ сихъ статьяхъ только системою римскаго требника и соблюлъ свою обычную самостоятельность. Подобнымъ образомъ должно смотрѣть и на всѣ другіе случаи. Чинъ въ самомъ исходѣ души, вопросы о взаимномъ согласіи на бракъ нисколько не противорѣчатъ ни ученію, ни даже постоянной практикѣ православной церкви. Обливаніе допущено изъ уваженія къ пользѣ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ; «ибо блюсти подобаетъ», говоритъ Могила, «еже не залягтися младенцу». Въ обычай позакладывать крестообразный камень въ основу храма выражена у Могилы мысль церкви восточной, именно, что Христосъ есть краеугольный камень и основаніе церкви своей. Напротивъ, оу не приняты такихъ обычаевъ, которые противны были духу восточной церкви, напримѣръ освященіе нумизматическихъ изображеній, даже такихъ, которыя хотя и не противорѣчали ея духу, но псимибли хода въ ея практикѣ, напримѣръ освященіе золота, ливапа и смиры въ день Богоявленія, освященіе громницъ и проч. Вообще 1) такое заимствованіе у Могилы является тамъ, гдѣ подобные же обычаи и понятія восточной церкви или небыли примѣнены къ обрядности, или не успѣли прійти въ полную форму, и 2) раскрытая такимъ образомъ совершенно по духу православной церкви обряд-

носить въ полной своеобразной формѣ становилась или противодѣйствием или примымымъ обличеніемъ римской обрядности ¹⁾

Все то, что сказано о заимствованіяхъ Могилы изъ римскаго требника, вполне можетъ быть примѣнено и ко всей южнорусской ученой литературѣ православной, подражавшей западнымъ образцамъ. Она заимствовала съ запада только то, что находила хорошимъ и пригоднымъ для себя, и слѣдовательно заимствования ея были дѣломъ слѣплаго подражанія. Многія произведенія западной литературы явились еще до раздѣленія церкви и имѣютъ параллель съ подобными произведеніями восточной литературы. Особенно это нужно сказать о діалогахъ св. Григорія Двоеслова. Имѣтъ тѣсную связь съ восточными патериками, съ рассказами старчества и прологовъ, эти діалоги послужили основаніемъ всѣхъ позднѣйшихъ западныхъ сборниковъ чудесъ, особенно же сборника Цезаря Гелестербаха, и нерѣдко приводились въ нихъ въ цѣломъ видѣ. Поэтому южнорусскіе православные ученые, пользуясь этими сборниками, видѣли въ нихъ слѣды христіанской древности, родственныя православію. Правда, многіе изъ этихъ рассказовъ позднѣйшаго происхожденія и носятъ иногда на себѣ католическій характеръ, какъ напримѣръ повѣсть объ Удонѣ. Но южнорусскіе ученые не ограничивались однимъ только переводомъ этихъ произведеній, а нерѣдко сокращали ихъ и обставляли подобными рассказами изъ византійской и отечественной исторіи, вслѣдствіе чего западные произведенія теряли свой католическій характеръ и служили цѣлямъ православія, не нарушая его чистоты. Можно по тому сказать, что всѣ заимствованія южнорусскихъ ученыхъ съ запада служили только матеріаломъ для развитія и опредѣленія самобытныхъ началъ православной церкви и русской народ-

¹⁾ «Гребенникъ Киевскаго митрополита Петра Могилы», Крыжановскаго въ Руковод. для сельскихъ пастыр., 1860 г., т. III, стр. 296—8; «Западно-русская церковная жизнь въ ея богослуженіи и обрядахъ», 1871 г., Хойницкаго, стр. 216—220

ности, и что эти начала, раскрыты такимъ образомъ, становились или противодѣйствіемъ, или примымъ обличеніемъ католичества, особенно польскаго.

Что именно эта мысль о развѣтн самобытныхъ началъ православія и русской народности и борьбѣ съ католичествомъ и Польшею лежала въ основѣ всѣхъ замѣствованій у южно-русскихъ ученыхъ съ запада, это особенно видно изъ области южнорусской ученой поэзіи, какъ области болѣе свободной и самостоятельной. Какъ и другія отрасли литературы, южнорусская поэзія ученаго возникла и развилась подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ. Въ эпосѣ образцами для южнорусскихъ ученыхъ служили: Бидерманъ, Паницій Стаций, Андреа Кароль, Альбертъ Инесъ, Саншазаро (Іоаннъ Барклай, Торквато-Тассъ въ переводѣ Кохановскаго, поэма о войнѣ Хонимской и др.; въ лирикѣ.—гимны Муфета, стихотворныя псалтири Буханана и Яна Кохановскаго, элегія Бидермана, Діодисія Апеллина, Визелина, Илизы, Доната и особенно Каспара Барлея Аптверпенскаго и нѣмецкаго поэта Гуго-Германа, эпиграммы Бидермана, Бавузия и особенно Барбьевскаго; въ драмѣ — западные мистеріи, особенно принадлежавшія иезуитамъ ¹⁾. Что касается эпоса, то онъ немогъ развиться на югѣ Россіи потому что здѣсь небыло условій для того объективнаго спокойствія, каковымъ отличаются эпические произведенія. За то особенно развились здѣсь лирика и драма, какъ болѣе соответствующія историческимъ условіямъ Малороссіи, терпѣвшей угнетенія отъ своихъ сильныхъ враговъ и боровшейся съ ними за свою самостоятельность, и скоро получили здѣсь рѣзкій національный характеръ, пропитанный оппозиціею по отношенію къ католикамъ и Польшѣ.

¹⁾ См. мои статьи — а) о южнорусскихъ наукахъ и литератур. занятияхъ въ Киевской Академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г., в. ст. 2, стр. 349 и 351; ст. 3 стр. 358.

Прежде всего на югозападѣ Россіи явились лирическія произведенія, имѣвшія своею задачею показать разницу между католичествомъ и православіемъ и уяснить начала православія и русской народности. Таковъ именно сборникъ стихотвореній, составленный около половины XVII в. какими-то православнымъ монахомъ и сохранившійся въ библіотекѣ Загорскаго монастыря, Волынской губерніи ¹⁾. Прежде всего авторъ доказываетъ превосходство восточнаго православія тѣмъ, что Іерусалимскій патриархъ имѣетъ престолъ тамъ, гдѣ жилъ и страдалъ самъ Господь, и въ значеніе правоты православія ежедневно въ день пасхи получаетъ въ свои руки небесный огонь, показывающій, что не слѣдуетъ еретически праздновать пасху вмѣстѣ съ жидами. Вообще, Іерусалимъ есть такой городъ, съ которымъ соединено много священныхъ преданій христіанской церкви. Здѣсь Господь благоволилъ оставить свой гробъ; здѣсь Онъ смерть вкушилъ и припелъ Себя за насъ въ жертву, ниспослалъ апостоламъ св. Духа и совершилъ съ ними тайную вечерю; здѣсь Іосифъ руками своими обвилъ вѣчное тѣло Христово и положилъ его во гробъ; здѣсь были исцелены и жидовскіе стражи, мученицы приходили съ мазями, видѣли ангела и отваленный камень и слышали ангельское благоуслышаніе о воскресеніи Христа; здѣсь жены видѣли воскресшаго Христа, Петръ съ Іоанномъ притекли ко гробу; здѣсь стражи обмерли отъ страха и убѣжали отъ гроба Господня въ городъ.

Тое мѣсто самое въ горѣ недвижимо.

И до суднаго дня стоятъ верушимо.

Тамъ съ огоньъ являеть на пасху святую,

На воскресеніе нѣдѣлю самую.

Колѣ «Христосъ воскресъ» въ церкви спѣваютьъ,

Тамъ ономъ дары вѣрныи пріймають,

¹⁾ См. рукою Добротворскаго: «Памятники православія на Волыни», въ библіот. Киев. Акад., № 6, 27, кн. 2.

Давучи намъ знати, коли праздновати.
Абы за блудными не поспѣдовати,
Чему еретицы вѣры не даютъ.
И куню съ жидами праздника мѣвають.
Гдѣ Елена церковь созидала,
Гдѣ и крестъ Господень отъ земли зыскала,
Тамъ патріархъ святѣйшій престолъ его маєтъ
И во руцѣ свои огонь воспримаетъ,
На гробѣ Господнемъ свѣчи запалаетъ
И всѣмъ христіанамъ вѣрнымъ подаваетъ.
Такую благодать гробъ Господень маєтъ
И христіанскую вѣру утверждаетъ.

Въ другихъ стихотвореніяхъ православное учене раскры-
вается въ противоположность латинскимъ заблужденіямъ, кото-
рыя перечисляются здѣсь довольно подробно. Такъ напримѣръ
авторъ обличаетъ «латинскую гордость», какъ источникъ всѣхъ
отступленій отъ апостольскаго преданія, главенство папы и оцрѣс-
ноки, крещеніе безъ мѣра и органы, изображеніе креста на пап-
ской обуви, индульгенціи, новый календарь и празднованіе празд-
никовъ вмѣстѣ съ жидами, догматъ объ исхожденіи св. Духа и
отъ Сына, ученіе о чистилищѣ, юбилей, яденіе жабъ и саранчи,
роскошь въ одѣяніи, и проч.

О латинской гордости авторъ говоритъ:
Але во остатній вѣкъ гордыи Римляне
Ночигають свое якъ Божіе созданіе.
Мѣстца апостоловъ мнятся содержати.
А ихъ обычаевъ не любятъ хранити,
И все противное дѣлають Христоби
И не поспѣдуютъ святому Петрови.
И Божую славу мірскою покрыли
И духовный разумъ плотскимъ измѣнили.

О папской власти, оцрѣсновахъ и причащеніи мірянъ подъ
однимъ видомъ авторъ говоритъ:

Великъ есть Богъ, Судія грозный всему свѣту,
Предъ которымъ стапуть паны того вѣку,
Которые смѣютъ Христова декрета
Вельми зневажати для марнаго злата,
Замаючи каноны и вызнанье вѣры,
И власти шукаютъ, яже выше мѣры.
Жидовскій оприспокъ честію почтили,
А тайную вечеру Христову змінили;
Якъ мертвaго трупа оплатка глытають,
А Христа живаго въ хлѣбѣ отметають;
Посполитый народъ безъ крове Христовы
Сакраментуючи утѣшаютъ слова
И дѣти малые съ ними отлучають.
О горе, о горе, и сами сгибають!
Тамъ правдивый агнецъ съ костела изгнано,
А бы жидовскую пасху праздновано.

Особенно убѣдительно должно быть часто употребляемое авторомъ сопоставленіе католиковъ съ жидами, пользовавшимися дурною репутаціей въ югозападной Россіи. Имъ пользуется авторъ и при обличеніи органовъ и празднованіи праздниковъ вмѣстѣ съ жидами.

Нынѣ вже римляне нисьмо преслушали
И набоженства ихъ ново позмышляли;
Вже бо жидовствуютъ съ своими органы,
Любо—плисальниці въ Бога поруганы.
Господь не требуетъ пищадей и шума,
Иже тщеславія вопляють безъ ума.
О мірская будто Богу догажаєшь
И умиленіе зъ людей выгацаєшь.
Гудуть бо трубами, якъ смоки рыкають,
Гдѣ Божіи ангели преступу пемають.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ обращается къ папѣ съ такими словами:

Для чего празднуешь свята и зѣ жидами,
Христуубійцами, Божиими врагами?

Сущность этого обвиненія состояла въ томъ, что паписты приняли новый календарь, по которому католическая пасха, вопреки постановленіямъ соборнымъ, дѣйствительно могла совпадать съ пасхою еврейскою. Въ этомъ измѣненіи латинянами календаря авторъ видитъ исполненіе пророчества Даніила:

Писаніе о нихъ явно повѣдасть,
Даніиль божественный пророкъ извѣщасть.
Схотятъ, рече, часы и лѣта змѣнити,
Иже на кончинѣ маются явити,
Що самому Богу оное возможно,
Иже его властію творить непреложно.
И письма и службы и свята змѣнили
И святыхъ апостолъ уставъ преступили.—

Немаловажнымъ обвиненіемъ противъ римлянъ было то, что они крещеніе свое совершаютъ безъ мѣра:

Крещенія свои безъ мѣра справуютъ,
Не явъ апостоли сіе отпавуютъ,
И трехпогруженія въ костели не мають,
И поокрещенныхъ блатомъ помазуютъ

Но особенно возмущалъ, кажется, автора папскій обычай носить вышитый крестъ на туфляхъ и цѣлованіе ногъ.

Здѣ крестъ Его (Христа) честный на ноги вкладаютъ,
Таковыи себѣ мученія чаютъ.

Такъ и римскій папа Христу досажаетъ,
На своихъ обуцахъ крестъ выображаетъ,
Блудницамъ же жерзость разрѣшивъ творити
И во римстѣмъ градѣ посты разорити...
Ця одинъ святитель нягдѣ на вселениой

Не согласуешь такъ твоей власти темной,
И креста на позѣ свои не вкладаютъ,
Котораго въ чести ангелы мѣвають.
Возотвѣтенъ будешь предъ Царемъ распятымъ
И отъ святыхъ его станешь проклятымъ.
Даль тебѣ Богъ позѣ по землѣ ходити,
А ты узаконивъ людямъ цѣловати.
О гордан гордыне, кичишься до неба,
Але во глубину спидеши до ада.
Явно всему свѣту, ижъ ся обожаешь,
Иже есть персть и пепелъ, сего презираешь.

Оригиналенъ взглядъ автора на индульгенціи, какъ на по-
блажку распутству и всякимъ грѣхамъ. Уже выше говорилось,
что папа разрѣшилъ блудницамъ мерзость творить и въ Римѣ
посты разорить. Таже мысль проводится и въ другомъ стихотво-
реніи, съ прибавкою обличеній новаго догмата объ исхожденіи св.
Духа и отъ Сына.

Гдѣ жъ ти Петръ повелѣвъ посты разорити,
Але подъ клятвою оныхъ захвати.
Почто жъ отъ блудницъ дани избираешь
И онымъ блудити явно позволяешь?.. ¹⁾.
И евангелія чому не читаешь,
До признаня вѣры ересь придаваешь?
Святого бо Духа Отецъ посылаетъ,
Который на Сыну препенчиваетъ

Главная причина появленія этого новаго догмата выстав-
ляется слѣдующая:

Святѣи намъ книги того не сказали,
Ижъ бысьмо папѣжа головою звали,
Иже всю ересь хитро покрываетъ

¹⁾ По свидѣтельству Кольба, «въ Римѣ публичная женщины платили
церкви особый налогъ».

И святаго Петра дармо погваряеть.

Другой новый догмать—ученіе о чистилищѣ.

Иныѣ папѣжи лѣта продавають

И до чистыну души грѣшныхъ посылають.

Кто имъ больше злата за тоє даруетъ.

Такія подацы отъ оныхъ пріймуютъ

Ажъ ему всё злости заразы разрѣшають

И на сколько сотъ лѣтъ въ частецъ посылають...

Пифагоръ философъ поганскій учитель,

Чистцоваго огня первый изъяснитель,

Такъ разумѣвъ и писавъ, а римляне держать

И многихъ распутно грѣшати приводятъ.

Для чого лакометва и блуды и убійства

Богонепротивны творять своволючества.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ осуждаетъ чистилище въ связи съ юбилеями и одлустами или индульгенціями.

Знайте, христіане, що папѣжъ вамъ дастъ

Слуга изъ милости вольность обѣщаетъ.

Милостивымъ лѣтомъ людей поманили

И напротивъ Богу право ухватили.

На пенязи певніи отпустъ разсылають

И на грѣхъ охоту людямъ повѣдаютъ.

Безцѣвныи души тмами погубили

И благочестіе съ людей разорили.

А чомужъ до чистцу бѣсовъ не пошлете

И милостиваго лѣта не подаете,

Жебысте и ангельми могли учинити,

Поневажъ хотите и въ небѣ радити?

Общее заключеніе а папствѣ представляетъ, можно сказать, стихотвореніе «о прелестяхъ римскихъ»:

О великій Риме, чомъ отъ Бога блуднишь,

И нечистотами всего міра губишь?
Всѣ бо отщепенства въ тебѣ гнѣздо мають.
И всяки блуды тебе не минають.
Плотоугодницы твои епископы,
А церкви Христовой заны апостаты,
Иже только песяжный законъ заховали
И купами людей до пекла погнали.
Безъ покаянія спастися нечаяють
И отпусты свои за злато мѣняють,
И блуды и вбійства людямъ разрѣшили,
Когоры бы имъ серебро принесли;
Забыли каранье страшливой помсты
Всесильнаго Бога за оныхъ лакомства...
И явно и тайно церкви ворогами,
Абы нареклися земными панами.
Вмѣсто власаницы царскіи порфиры
Одѣяніе ихъ яже вышей мѣры.
Многими дворяны домы ихъ содержатъ
И брани и битвы на царства творять
Жабоветныи народъ власкїи пастыри
На Христа и на Петра влагаютъ потвари...
Нынѣ же багряница то павица слава,
Повеже и самъ есть блудничая глава.

Все это, по видимому, общія мысли, встрѣчаемыя въ любомъ полемическомъ сочиненіи противъ латинянъ; но у автора разсмагиваемыхъ стихотвореній онѣ прилагаются къ русской церкви, и разности между православіемъ и католичествомъ принимаютъ бытовыя опредѣленія, соотвѣтствующія тому положенію, въ которомъ находились православіе и католичество въ предѣлахъ прежней Польши. Показывая разности между православіемъ и католичествомъ, авторъ именно изѣбегъ въ виду православную русскую церковь, дѣлаетъ обращенія къ русскому роду и къ русскимъ

монахамъ и указываетъ имъ на преданія и памятки отечественнаго православія. Такъ напримѣръ авторъ рассказываетъ о томъ, «какъ Андрей святой апостолъ пришелъ въ Киевъ градъ къ невернымъ», говорить «о крещеніи русскомъ» чрезъ равноапостольнаго князя Владиміра и «о святыхъ тѣлахъ Печерскихъ» Антонія и Теодосія, около «шестисотъ лѣтъ» перлѣнно почивающихъ, убѣждалъ своихъ собратій твердо держаться отеческихъ преданій. Самыя отношенія между православіемъ и католичествомъ, какъ онѣ изображаются у автора, живо напоминаютъ намъ отношенія югозападной православной церкви къ польскимъ католикамъ и униатамъ. Православная церковь терпѣть преслѣдованія отъ католиковъ и сравнивается то съ Авелемъ, убиваемымъ отъ руки Каина, то съ Іосифомъ, проданнымъ братьями въ неволю Египетскую.

Каинъ и зъ Авелемъ двѣ церкви значили...

П нынѣ таковы Каиновы внуки,

Выникаючи въ остатніи вѣки,

Иже сныи злостей на жертву влагаютъ

П души праведныхъ хатро погубляютъ.

Въ противоположность католикамъ, православные представляютъ собою Авеля:

Яко Абель терпѣмо отъ убійцы брата,

П будетъ молитва предъ Вышнимъ пріята.

Нехай же дружатся съ Каинѣмъ римляне,

И положить ихъ Богъ въ такое же каранье.

Въ другомъ стихотвореніи авторъ говоритъ о православной церкви, что она

...зневолена, якъ Іосифъ, въ оковы

И поношенія поносить Христовы.

Брази креста Хрислова си утѣсняють,

Але терпѣнія не преодолевають.

И такъ Бога славить, ижъ въ помощи сильна

И межи Турками Господеви вѣрна
И гы, русскій роде, теперь утвержайся,
Межи ересями во вѣри мужайся!
Воля есть Господня нашъ нынѣ терпѣти,
А миролюбликомъ время богатѣти.
Научивъ насъ Христосъ миръ сей нелюбити
И Его и вѣру надъ души любити
И не на роскоши апостолы пославъ,—
На бѣды и скорби ити имъ завѣщавъ
И безоружны на брани посланы,
Абы были имъ языцы сласны,
И не философы, але рыболовы,
Невѣжи, простыи и не красомовцы¹⁾.

Очевидно, что вся разница между католичествомъ и православиемъ сводится къ тому нравственному положению, что первое было папскою вѣрою, а второе—хлѣбскою. Эта противоположность между нищими и богатыми, слѣдовательно между православными и католиками, яснѣе проводится въ стихѣ «о убогомъ и богатомъ молящихся въ церкви»:

Два внидоша въ церковь, но не одинако
Овъ простѣ имать къ Богу сердце, овъ—опако,
Простѣ къ Христу умъ вперенъ нища и убога,
Разсѣявъ имущаго стяжаня многа.
Богъ же самъ вѣсть кождо сердечныя бездны.
Тщи у него богаты; нищи не безмездны.
Тебѣ оставленъ нищій, милосерде Боже!
Ты му часть, ибо въ мирѣ неимать ничтоже.
Нѣсть сокровищъ, въ нихъ же бы сердце углубати,
И что ино, развѣ Тя имать возлюбити?
Убо егда предстоитъ въ молебну году,
Возносить умъ и сердце къ Тебѣ Едину.

¹⁾ Рукоп. Киев. Акад., о 27 «Нѣкогорые памятники православия на Волини», кн. 2 я.

Не тако богатый, но разнствовать зрится,
Аще и прилежно здѣ молитися мнится:
Въ дому злато и серебро, различные службы,
Тамо—дѣла, овамо—бирюшныя дружбы,
Всюду же прильпе сердце, умъ имать мысль многу,
Убо усты молится, иѣсть же сердца къ Богу ¹⁾.

За отсутствіемъ земныхъ радостей, мысль православныхъ съ охотою останавливалась на обстоятельствахъ второго пришествія Христова и на загробной жизни.

Достоить намъ твердо вѣру сохранять,
Да Богъ Самъ поможетъ врага посрамить.
Самъ бо скоро прійдетъ враги погубити
И плачущимъ нынѣ потѣху явити.
Потерпите мало, Господа пождѣте,
И себе отъ муки вѣчныя спасите ²⁾.

Тамъ, въ будущей жизни, совершенно перемѣнятся роли:
Засіяетъ тамъ ни единый въ порфирѣ,
Иже не имѣлъ и рубища въ мірѣ,
Прійметъ на главу вѣнецъ многоцѣнный

Вмѣсто повстини.

За ризи остри, за власи велбужи
Безсмертной славы свѣтъ всего окружить,
За вервь подастъся, за поясъ усмянный
Весь златотканый.

Внїдетъ рыболовъ въ позоументахъ златыхъ,
Будетъ въ алмазахъ усмиръ покожати,
Будетъ подъ златимъ ходить кровомъ сѣни
Художникъ скиній.

Будетъ и Лазарь лежавшій во гробу

¹⁾ О слов. наукахъ въ старой Кіев. Акад., въ Труд. К. д. Ак., янв. 1867 г., стр. 99—100.

²⁾ Рукоп. Кіев. Акад. о. 27: «Нѣкогорые памятники православія на Волини», книга 2-я.

Лежать на ложи вѣчною покоемъ.

Обступятъ его ангелы поющіи,

Не пси гризущіеся.

Явятся жъ тогда и грѣшницы скверни,

Смрадни, безлични, какъ головни черни,

Явятся жъ токмо и тотъ часъ исчезнутъ

Во адову бездну ¹⁾.

Въ силу небесныхъ обѣтованій, какія ожидаютъ праведниковъ, авторъ стихотвореній Загоровскаго сборника убѣждаетъ православныхъ твердо стоять въ вѣрѣ и несоблазняться прелестями міра сего.

Нехай же васъ хитро міръ сей не половить,

А ни прелесть его до грѣха не зводитъ,

Иже утекаетъ яко звѣрь изъ горы

И якъ вода быстро минаетъ воскори

И скалы и пески валитъ съ высота:

Такъ грѣшного слава погибнетъ до вѣка.

Міра сего слава сладка есть и любя,

Але якъ морская потопляетъ вода...

За честь дочасную мерзости во вѣки

Праведно пріемлютъ злымъ челоуѣки.

Сохрани васъ Боже, хранитежь ся и сами,

Всѣ бо есте Богомъ во вѣру призвани,

Слава бо и злато якъ тѣнь мимоходятъ

И любящихъ сія въ пагубу приводятъ.

Такую-то цѣну душѣ училили

И за небо землю собѣ училили

Отступники вѣры, отъ Христа бѣгущы,

Абы уводили до церквей повины.—

Къ числу прелестей міра относятся и латинскія школы:
О милыи друзи всѣ вы христіане.

¹⁾ О словесныхъ наукахъ въ старой Кіев. Ак., въ Труд. Кіев. дух. Акад., янв., 1867 г., стр. 98—99.

Познавайте отъ нихъ ваше ошуканье,
 Не напивайтесь зъ горького студенца,
 Смердячого грѣхъми даже и до коньца.
 Святой жъ науки себе научайте,
 Тую же и чадомъ своимъ подавайте!
 Уже вамъ латиницы гауство причятають,
 А сами все злое въ людехъ умножаютъ,
 Ихъ же училища ересь разсѣваютъ
 И яко же ядомъ души забиваютъ
 Що есть Богу немало, и вы конишайте
 И святыи книги свои почитайте!..
 Книги во юности премудрыми творять,
 Простыхъ и невѣжовъ риторы сотворятъ..
 Ни Платонъ, ни Пифагоръ ниже Аристотель
 Не обрѣтаются духовный сказатель,
 Съ которыхъ латины наукъ ся повчають
 И безумную Русь къ собѣ потягаютъ...
 О Христѣ братіе, о русскіе чада,
 Избавите себе отъ темнаго ада!
 Не въ школахъ латинскихъ разумъ купуйте
 И ихъ трутизнаки души не итайте!
 Погубите вѣру и святую славу,
 Аще суетную ищете забаву.
 Тѣмъ съ большиимъ сожалѣніемъ авторъ ^{отъявляется о тѣхъ,}
 которые соблазнились прелестями міра сего и перешли на сто-
 рону папы.

Врагови подобни церковниѣ врази
 И его милыми и вѣрными друзи,
 Иже востока свѣтлость нынѣ оставляють
 И до тмы запада въ прелесть отбѣгаютъ,
 Отъ истины до лжи; отъ вѣры во ересь,
 Отъ святыхъ сладости во грѣшную горесть^ь.

Водимы бывають плотскими совѣты
И не сохранили къ Богу обѣты,
Которыхъ по нему сами учили
И своими усты о нихъ осудили;
Къ богатому намъ отбѣгли на нашу,
Абы за пенязь погубили душу,
Гдѣ все имъ по воли будетъ полагати
Измышленныи Христосъ, убійца, не маги,
Иже всю вселенную злостями осквернивъ
И духовный разумъ на плотскій измѣнилъ

Въ другомъ мѣстѣ авторъ говорить
Горе онымъ, иже церковь изражаютъ
И за имѣнія вѣры продавають,
Якъ жидаи Іудѣ цѣну поставляютъ,
Оставляютъ востокъ и бѣгутъ на западъ
И многимъ вожами послѣдшими во адъ.
Мимо права святаго людскимъ наследуютъ
И слова Божого нисколько принимаютъ.
Славы бо и чести на земли шукать,
До всякой ереси ради ся злѣпнати,
А святую вѣру хотять развратити ¹⁾.

Впоследствии времени подобныя стихотворенія принимаютъ чисто народный характеръ и по содержанію своему сходятся съ историческими южпорусскими думами. Таково стихотвореніе Гарасимовича «ревнивый плачъ» Малой Россіи, написанное въ началѣ XVIII вѣка. Оно сильно вооружается противъ какихъ-то ляходобцевъ своего времени изъ среды самыхъ сыновъ Малой Россіи, которые хотѣли предаться полякамъ, вездѣ ихъ хвалили и хотѣли быть уніатами, а вѣрныхъ порицали и чуть не «падали», по

¹⁾ Рукоп. Кіев. Акад. о. 27: «Нѣкоторые памятники православія на Подляска», кн. 2.

выраженію Гарасимовича. Отъ лица Малой Россіи Гарасимовичъ припоминаетъ ляхолюбцамъ тѣ бѣдствія, какія терпѣла она отъ поляковъ, и отъ какихъ только-что освободилъ ее Богданъ Хмѣльницкій.

О Боже мой милостивый!
Воззри на плачь мой ревнивый!
Гдѣ бѣдница есть такая,
Якъ я Россія Малая?
Вси маткою называютъ,
А не вси за матку мають:
Другій хочетъ загубити,
Въ лозци воды утопити.
Бо чи треба лучшей муки,
Якъ подати ляхомъ въ руки?
Давно они гострятъ зубы,
Давно моей ищутъ згубы.
А вы дѣти якъ чужіи,
Садите ихъ мни на шіи.
Охъ, якъ скоро вси згубили,
Що и видѣли и чули,—
Якъ подъ тими ворогами
Стогнала я тяжко з вами;
Не мѣючи, ни породы,
Коли жида проклятые
Держали церкви святіи
И отъ святом креста бани
Вытягали у насъ дани;
Священниковъ вибивано,
Кровь Господню проливано.
И то добре частовали,
Якъ и сами описали.

Ничо вольно зъ насъ никому
Небыло, кромь жены въ дому.
И тое бы уже стало,
Щобъ имя наше пропало,
Если бь Богданъ мужъ избраний
Небылъ огъ Бога намъ данпый.
Той тижъ племя проклятое
Зкинулъ зъ мене ярмо злое
И за мудрымъ самъ совѣтомъ
Поставилъ подь крѣпкамъ щитомъ,
Подь рукою царей славныхъ,
Самодержцовъ православныхъ.
А вы, дѣтки, охъ утиха!
Прошлаго схогъли дѣха.
Еще и крыль не простерла,
Еще и слезъ не утерла,
А вамъ дитки жалъ то стало,
Що я отдохнула мало.
Охъ миѣ беда! дѣтей лаю,
Незнать, що зъ жалю гадаю.
Ой, не сыны вы, не дѣти:
Хощуть мене загубити.
Ляхолюбци, ляхолюбци,—
Тѣи мои, тѣи зубцы!
Лѣвъ саранча налетѣла,
Домы ѣ церкви поскверпила.
Куда пойдешъ, ляхивъ хвалить,
Вѣрныхъ только що не палить;
Просѣи уши набивають,
Лихомъ ядомъ заражають;
Безъ хвалъ лѣщихъ а не слова,
Ідѣть чи плють—о нихъ мова.

Знайге жь дитни родимыи,
Якъ вы ниже любичи,
Ідять и плюють и голепуть,
Едиакъ ни въ чомъ не смакують,
Що ляцкое имъ вдячно,
Хочь лидащо, то имъ смачно.
Кочуть бутя уніати,
Папу въ ногу цѣловати;
Зь ляхомъ весь духъ, вся охота,
То и мудрость, то и цѣота.
Тыи теворь хочуть цѣло
Привесги замысль свой въ дѣло,
Тыи мене загубити
Мыслять. Не вы мои дѣты!
Да и на васъ нарекаю,
И на самихъ васъ жаль маю,
Що съ такими дружба ваша,
А не вдячна любовь наша.
Що видите у мосцѣ
Опречь дурной хвастливостѣ?
Що мии за сынѣ, що зѣ врагами
Сердце его, а не зѣ нами
Не той то сынѣ мии здарився,
Що въ моемъ домѣ родився
Уежай придеть изъ за свѣта
Да мии жычить многа дѣта'
Той мии будетъ сынѣ любимый,

Не ираче нѣтъ родиный.
Сежи, діги, вы глядите,
Дяхолюбцевъ не любиге
Поги добра памъ не буде,
Поки у насъ ги люде.
Нехай идуть на сүхий лѣсъ,
Куда гордый зоветъ ихъ бѣсъ;
Нехай идуть славить пану,
Псю его лизать лапу;
Нехай же имъ безголовье,
А памъ кажучи на здоровье! ¹⁾.

Нѣкоторыя мѣста этого плача въ описаніи польскихъ неправдъ сходятся съ народными южнорусскими думами о томъ же предметѣ. Такъ напр. «дума о жидовскихъ откупакъ и о войнѣ въ-за нихъ» говоритъ между прочимъ такъ.

Ище жъ то жида—рандари
У тому не перестали.
На славній Украині всі козацьки церкви заорандовали.
Которому бѣ та козаку, альбо мужику давъ Богъ дитину
показати,
То не йди до попа благословитьця,
Та пійди до жида—рандара, да положи шостаць, щобъ поз-
воливъ церкву огчинити,
Тую дитину окрестити.

¹⁾ Киев. Епарх. Вѣдом., 1863 г., № 18. Здѣсь мы исправили нѣкоторыя искаженія подлинника, сдѣланныя редакціею Киев. Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Ище жъ то когоруку бѣ то козану альбо мужику давъ Богъ
дитину одружити,

То не йди до попа благословицѣся,

Да пойдѣ до жида—рандара, да положи битий таларь, щоби
позволивъ церкву очинити

Тую дитину одружити.

Гарасимовичъ также говорить, что—

. . . . Жиды проклятые

Держали церкви святые

И отъ святой креста бани

Вытѣгали у насъ дани.

Думы «о Бѣлоцерковскомъ мирѣ и о войнѣ съ поляками», говорятъ, что и самые брачные узы малороссіянъ осквернены были поляками. Гарасимовичъ нѣсколько ослабляетъ мысль думы, но въ общемъ согласенъ съ нею:

Ни що вольно зъ насъ никому

Не было, кромѣ жены въ дому.

Вообще здѣсь лирическія произведенія южнорусскихъ ученыхъ сходятся по содержанію, характеру и языку съ народными думами и потому имѣютъ народный характеръ ¹⁾.

Вмѣстѣ съ лирикою развивалась въ національномъ направленіи и южнорусская драма. Первоначально она была строго религіознаго характера и заимствовала свое содержаніе изъ священной исторіи; но уже въ самомъ выборѣ библейскихъ предметовъ и ихъ изображеніи нельзя было не видѣть прямыхъ или косвен-

¹⁾ Тамъ же, см. Записки о Южной Руси, т. 1, стр. 37, 166 и др.

ныхъ намековъ на современное имъ положеніе Малороссіи. Первое драматическое произведеніе Кіев. Академіи слѣдующее: «Дѣйствіе на страсти Христовой списанное», содержащее въ себѣ исторію Іосифа, проданнаго братьями въ Египетъ и, вѣроятно, составленное Барановичемъ. А мы видѣли, что Іосифъ патриархъ въ лирическихъ произведеніяхъ представлялъ собою южнорусскую церковь, страдающую отъ своихъ враговъ, поэтому можно думать, что и поминутая драма, изображая библейскаго Іосифа, имѣетъ въ виду Малороссію. Съ XVIII же вѣка кіевская драма оставляетъ уже путь намековъ и аллегорій и прямо беретъ своимъ содержаніемъ событія изъ отечественной церковной и гражданской исторіи. Таковы драмы: «Владиміръ и Богданъ Хмѣльницкій». Первая говоритъ о просвѣщеніи Россіи православною вѣрою при великомъ князѣ Владимірѣ и, вѣроятно, имѣетъ въ виду ту же цѣль, какую и авторъ Загоровскаго сборника стихотвореній, т. е. напомнить русскимъ, откуда и какъ они получили христіанскую вѣру и утвердить ихъ въ православіи. Вторая драма написана по случаю востшествія на русскій престолъ императора Петра II и избранія новаго гетмана Данила Апостола и имѣетъ въ виду изображеніе прежняго бѣдственнаго положенія Малороссіи подъ владычествомъ Польши, отъ котораго освободилъ ее Богданъ Хмѣльницкій, чтобы тѣмъ полнѣе оцѣнить современное автору счастливое положеніе Малороссіи подъ державою русскихъ государей. Но высшимъ выраженіемъ кіевской драмы въ національномъ направленіи служатъ «интерлюдіи» Митрофана Довгалева, 1736 — 37 г., ярко изображающія взаимныя отношенія русскихъ къ Польшѣ и населявшимъ ее племенамъ. Въ другомъ

мѣстѣ мы излагали уже содержаніе какъ этихъ, такъ и другихъ драматическихъ произведеній Киевской Академіи и считаемъ излишнимъ повторять сказанное уже нами ¹⁾; но не можемъ здѣсь не указать еще на одну не замѣченную нами черту ихъ, которою они близко примыкаютъ къ области безыскусственной народной литературы. Съ изданіемъ «южнорусскихъ народныхъ сказокъ» Рудченко, открывается, что Митрофанъ Довгалева въ своихъ нитерлюдіяхъ перѣдко пользовался народными сказками. Тамъ и здѣсь встрѣчаются одни и тѣже личности, какъ-то: паны, москалы, мужики, ливины, жиды, цыгане и проч., и перѣдко въ однихъ и тѣхъ же положеніяхъ. Такъ напр. въ нитерлюдіяхъ Довгалеваго есть одинъ рассказъ о томъ, какъ одинъ человекъ, преслѣдуемый змѣю, скрылся въ кузню, какъ змѣя пролизала своимъ языкомъ желѣзныя двери кузницы и схвачена была за языкъ раскаленными клещами ²⁾. Подобное рассказываетъ о поповичѣ Ясатѣ въ народныхъ сказкахъ, за нимъ гналась змѣиха. Ясать бросился въ кузницу, къ кузнецу Василью, и затворился; а дверь была въ ладонь толстая, окованная желѣзомъ. Отдай мнѣ Ясата, --говоритъ змѣя Василью. Протвори дверь, отиѣчаетъ Василій, такъ я тебѣ его на языкъ посажу. Лизнула она разъ,

¹⁾ О словесн. наукахъ въ старой Кіев. Акад., въ Труд. Кіев. Д. Ак., ноябрь и декабрь, 1866 г.; «Мистерія и Комедіи» Митрофана Довгалеваго, тамъ же, февраль, 1863 года. Къ числу указанныхъ здѣсь драматическихъ произведеній нужно прибавить еще 1) «Благодѣтели Марка Аврелія», Михаила Козачинскаго, напечатанное въ Львовѣ 1713 г., и 2) «Комедія умѣнѣтъ съ православными», 1790 г., свѣд. Саввы Стрѣлецкаго. См. Кіев. епарх. вѣд. 1869 и 1871 г.

²⁾ Рукоп. Кіево-Мех. мон., № 1713.

а за другимъ разомъ уже и дырку пролизила и всунула языкъ. Тогда Василій раснализъ клещи, схватилъ ими змѣю за языкъ и убилъ ее вмѣстѣ съ Ясашомъ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ у Довгалеваго выводится на сцену литвинъ, воротившійся съ того свѣта. Онъ рассказываетъ ксендзу, что папа на томъ свѣтѣ,

Самнувшись саматужни, прець до шкеля дрова,

А хварипшики акруць скачуць и играюць,

Гетакими дубцями вотъ такъ поганяюць ²⁾.

Въ сказкѣ о несчастномъ Иванѣ рассказывается, какъ панъ послалъ его дождаться на тотъ свѣтъ въ пекло. Воротившись оттуда, онъ рассказалъ пану, что «спокойный пан старій, того папа батько, дрова возить у пекло» ³⁾. Въ третьей психальной интерлюдіи Довгалеваго «віиздить мужикъ на торгъ и зъ спомомъ, и оставивши сина, поидеѣтъ торговати». Въ отсутствіи его подходятъ къ сыну московскіе «яриги»

Ярига. Ек, ана, братъ, какіе очень срядни раи! ¹⁾

Аврюха! сматри зъ заду вотъ я мѣху чераѣ.

А ми вотъ вже начиномъ чупруна вѣбратъ

Ну братъ, Киричовъ, с вала раи—та снѣмать!

Ехъ срядніе раи! и нѣмъ бы здалися!

Ну-ста, братъ Аврюха, за вала берися!

¹⁾ Народныя южнорусскія сказки, Рудченко, вып. II, стр. 70

²⁾ О слов. науцъ въ старой Кіев. Акад., въ Труд. К. Д. Ак., ноябрь, 1866 г., стр. 384.

³⁾ Народныя южнорусскія сказки, Рудченко, вып. I, стр. 93.

Да вотъ, братъ, оба раги с вала поздомаетъ,
А снявши да понесіомъ, в карманъ похаваемъ.

Сынъ стараяся зацѣпить воловы рога. Но они не нужны были яриламъ и остались цѣлыми; за то пропали съ воза пироги съ мѣхами ¹⁾. Тотъ же пріемъ отводить хозяину глаза отъ предмета поживы и при такой же обстановкѣ встрѣчается въ сказкѣ «чоловік з масломъ и москалі». Мужикъ выѣхалъ на торгъ продавать масло, поставилъ его на землю и самъ сѣлъ на него. Замѣтили его два москаля и сговорились между собою: зайди ты съ заду, а я подойду къ нему и начну съ нимъ говорить. Подходитъ москаль къ мужику и все присматривается къ нему, какъ будто узнаетъ его, и говорить: здоровъ Иванъ.—Здорово —отвѣчаетъ мужикъ. Слово за словомъ,—и москаль такъ разговорился съ мужикомъ, что какъ будто и вправду его знаетъ, и наконецъ свазалъ мужику, что пришелъ царскій указъ, чтобы мужика взять въ солдаты: только незнаю, прибавилъ солдатъ,—годишься ли ты; потому что нужно, чтобы былъ такого росту, какъ эта палка. Встань, помѣряю! Мужикъ всталъ. Москаль нѣсколько разъ мѣрилъ его, но нашелъ что мужикъ не подходитъ подъ мѣру, и пошелъ прочь. Между тѣмъ мужикъ оглянулся назадъ и тутъ только замѣтилъ, что его масло пропало ²⁾.

Такимъ образомъ южнорусская или лучше югозападнорусская ученость хотя и основывалась на западно-европейскихъ образцахъ и подражаніи имъ, но пользовалась этими образцами для уясне-

¹⁾ Труды К. Д. А., ноябрь, 1866 г., стр. 383.

²⁾ Народныя южнорусск. сказки, Рудченко, вып. II, стр. 167—8.

нія началъ православія и русской народности и въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ получила чисто народный характеръ. Интересы народные получили въ нихъ сознательную обработку и выраженіе, которыя значительно возвышаютъ ихъ надъ простыми, безъискусственными и безсознательными произведеніями народного творчества и представляютъ изъ себя новое явленіе въ исторіи русской литературы.

Но и этотъ новый элементъ въ литературѣ, элементъ сознанія, остался бы почти безплоднымъ, если бы онъ ограничивался только южнорусскою ученою литературою и не выходилъ изъ ея предѣловъ. Немаловажное значеніе южнорусской учености состоитъ въ томъ, что она имѣла значительное вліяніе на сѣверо-русскую литературу и содѣйствовала дальнѣйшему ея развитію. Довольно разнообразны пункты соприкосновеній южнорусской ученой литературы съ сѣверо-русскою, но все ихъ можно привести къ слѣдующимъ двумъ главнымъ положеніямъ: 1) на сѣверѣ Россіи охотно воспринимались результаты южнорусской учености; но 2) въѣтъ съ тѣмъ сѣверная русь отрицательно относилась къ отдѣльнымъ мыслямъ и даже къ цѣлому направленію южнорусскихъ ученыхъ. Слѣдовательно, вліяніе южнорусской образованности на сѣверную русь—двоякаго рода—положительное и отрицательное: въ первомъ случаѣ сѣверная русь воспринимала то, что сродно было ея природѣ; во второмъ она отрицала несродные ей элементы.

Положительное вліяніе южнорусской учености и литературы на сѣверную русь прежде всего высказывалось въ переходѣ южно

русскихъ ученыхъ и литературныхъ произведеній на сѣверъ Россіи, какъ напр. Катихизиса Зизанія, Зерцала богословія Транквиліона, Требника Могилы, Неба новаго Галятовскаго и др., переводныхъ сочиненій, напр. Звѣзды пресвѣтлыя, а также въ переводъ тѣхъ произведеній западной литературы, какими пользовались южнорусскіе ученые. Такимъ образомъ цѣлкомъ переведены были Дѣянія римскія, Зерцало великое и т. п. произведенія, которыми южнорусскіе ученые пользовались только въ извлеченіяхъ и отрывкахъ, и вызвали къ бытію различныя народныя повѣсти и сказанія, доселѣ хранившіяся только въ устахъ народа и въ первый разъ получившія теперь литературную отдѣлку. Далѣе, на сѣверъ Россіи перешли также и лирическія произведенія южнорусскія и выразились здѣсь въ цѣломъ рядѣ псалмъ и кантъ религіознаго содержанія. Но сильнѣе всего выразилось южнорусское вліяніе на сѣверную русь въ учрежденіи духовныхъ училищъ, основанныхъ по образцу Киевской Академіи и копировавшихъ ея обычаи и порядки. Изъ этихъ школъ вышли люди, сочувственно отзывавшіеся на преобразовательныя стремленія Петра I и подготовившіе почву для новѣйшей русской литературы; въ этихъ же школахъ получили первоначальное образованіе и первые дѣятели на поприщѣ новой литературы, какъ-то Контеміръ, Тредиаковскій, Ломоносовъ и др.

Отрицательное вліяніе южнорусской литературы на сѣверную прежде всего выразилось въ недовѣріи московскихъ книжниковъ къ южнорусскимъ ученымъ и ихъ произведеніямъ. Мы уже видѣли, какъ отнеслись московскіе книжники къ сочиненіямъ Транк-

византизма и Зезанія. Подобное подвѣріе существовало и относительно требника Петра Могилы. На сѣверѣ Россіи знали, что южнорусскія богослужебныя книги исполнены римскими мнѣніями, что жизнь южноруссовъ заражена чуждымъ духомъ, и потому какъ книги сіи, такъ и самихъ южноруссовъ подвергали строгимъ испытаніямъ; а въ требникѣ Петра Могилы такихъ мнѣній есть нѣсколько. Поэтому-то раскольники, не высказывая своего рѣшительнаго мнѣнія о требникѣ Могилы, въ тревожномъ недоумѣніи спрашиваютъ своихъ обличителей: «по всему ли православию Петръ по реклу Могилы... также и требникъ великій»¹⁾. Самихъ расколъ, по нашему мнѣнію, отчасти обязанъ своимъ происхожденіемъ и развитіемъ южнорусской учестности. Она явилась какъ оппозиція исправленію богослужебныхъ книгъ южнорусскими учеными и привилегированному положенію южнорусскихъ ученыхъ на сѣверѣ Россіи, занявшихъ здѣсь почти всѣ іерархическія должности. Будучи же протестомъ противъ южнорусской учестности, расколъ воспринялъ въ себя и нѣкоторыя черты ея. Разъ образовавшись, расколъ хотѣлъ укрѣпиться внутренно, чтобы такъ или иначе защищаться или отстаивать свои заблужденія противъ обличеній просвѣщенной іерархіи нашей, а потому почувствовалъ нужду въ просвѣщеніи. Извѣстно, напр., что Андрей Денисовъ слушалъ нѣкоторое время уроки въ кievской академіи и положило начало цѣлой ученой школѣ раскольнической, непрерывавшей преемства и до позднѣйшаго времени и представлявшей

1) Рук. для сельск. пастыр., 1860 г., III, стр. 437—461.

здѣсь рачіональную, прогрессивную партію, въ противоположность отсталой партіи, буквально понимающей расколъ ¹⁾. Да и вообще все раскольники въ большей или меньшей мѣрѣ отличаются духомъ пытливости, критическаго отношенія къ источникамъ вѣроученія и обрядности. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ г. Костомаровымъ, который считаетъ расколъ не оживленіемъ древней Россіи, какъ обыкновенно полагаютъ, а совершенно новымъ явленіемъ, небывалымъ въ древней Россіи ²⁾.

Н. П.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ «Изъ раскольных. рукописей», въ Труд. К. Д. Ак., 1865 года.

²⁾ Въ Вѣстн. Европы, за 1871 годъ.